

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.05.02 Правоохранительная деятельность
(код и наименование направления подготовки, специальность)

Оперативно-розыскная деятельность
(направленность (профиль)/специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (ДИПЛОМНАЯ РАБОТА)

на тему «Уголовно-правовые и международно-правовые проблемы института экстрадиции»

Студент

П.Р. Асланов

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. экон. наук, С.Б. Сыропятова

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2021

Аннотация

Актуальность работы. Очевидно, что современная преступность имеет качественно новые формы, что требует адекватной реакции со стороны правоохранительных органов различных государств.

Цель исследования - изучение уголовно-правовых и международно-правовых проблем института экстрадиции.

Задачи исследования: - изучение истории становления и развития института экстрадиции в России; анализ понятия экстрадиции; - изучение международно-правового регулирования института экстрадиции; анализ понятия выдачи лица в системе уголовных производств по УПК РФ; - рассмотрение порядка выдачи лица для уголовного преследования и исполнения приговора; анализ оснований передачи и отказа в передаче лица для отбывания наказания; изучение порядка рассмотрения судом вопросов, связанных с передачей лица для отбывания наказания; рассмотрение вопросов передачи лиц, страдающих психическими расстройствами, для проведения принудительного лечения.

Объект исследования - установление международного правопорядка реализации института экстрадиции.

Предмет исследования - комплекс общественных отношений, возникающих между государствами по поводу реализации процедуры экстрадиции.

Структуру исследования отличает логика изложения основного материала, она обусловлена его целью и задачами. Работа состоит из введения, трех глав, разделенных на параграфы, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1 Историко-правовой анализ института экстрадиции	9
1.1 История становления и развития института экстрадиции в России.....	9
1.2 Понятие экстрадиции.....	15
1.3 Международно-правовое регулирование института экстрадиции	19
Глава 2 Выдача лица для уголовного преследования и исполнения приговора	30
2.1 Понятие выдачи лица в системе уголовных производств по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации	30
2.2 Порядок выдачи лица для уголовного преследования и исполнения приговора	38
Глава 3 Передача лица для отбывания наказания	48
3.1 Основания передачи и отказа в передаче лица для отбывания наказания	48
3.2 Порядок рассмотрения судом вопросов, связанных с передачей лица для отбывания наказания	52
3.3 Вопросы передачи лиц, страдающих психическими расстройствами, для проведения принудительного лечения.....	57
Заключение	62
Список используемой литературы и используемых источников.....	67

Введение

Совершенствование сотрудничества между государствами по вопросам противодействия трансграничной преступности является одним из приоритетных направлений деятельности правоохранительных структур различных стран мира. Такие факторы глобализационных процессов, как развитие коммуникаций и информационных технологий, рост открытости национальных границ, свободное перемещение товаров, услуг, капиталов и рабочей силы и др., облегчили распространение трансграничной преступности. Очевидно, что современная преступность имеет качественно новые формы, что требует адекватной реакции со стороны правоохранительных органов различных государств.

Для достижения эффективности функционирования системы противодействия международной преступности, государства разрабатывают комплекс методов взаимодействия своих правоохранительных структур, которое может осуществляться в различных формах, а также совершенствуют законодательную базу в рассматриваемой сфере.

Действующий Уголовно-процессуальный кодекс РФ в части 5 регламентирует международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства.

Проблематика исследования обусловлена рядом причин:

Во-первых, в науке до настоящего времени отсутствует единство в понимании правовой природы института экстрадиции и отнесения этого института к определенной отрасли права. В рамках анализа научных источников, можно выделить три группы мнений относительно отраслевой принадлежности института экстрадиции: данный институт носит междисциплинарный характер; данный институт является самостоятельным институтом международного уголовного права, который включает в себя материальные и процессуальные нормы; выдвижение на первый план либо материальных, либо процессуальных аспектов выдачи.

Во-вторых, в последнее время рассматриваемый институт, как в России, так и в зарубежных странах приобрел ярко выраженный характер дипломатического инструмента выстраивания отношений между государствами. Стоит обратить внимание на статистику запросов об экстрадиции. Так, в частности, в 2020 году Генеральная прокуратура РФ направила в компетентные органы иностранных государств более 350 запросов об экстрадиции, этот показатель за 2019 год составил 450 запросов.

В 2020 году иностранные государства выдали в Россию 165 человек по запросам об экстрадиции, 64 из них – это страны дальнего зарубежья, эти показатели аналогичны показателям 2019 года[37].

В 2020 году Генеральная прокуратура РФ рассмотрела более 900 запросов уполномоченных органов иностранных государств о выдаче лиц из России. В 2019 году этот показатель составил 1200 запросов.

В 2020 году Россия отказала в удовлетворении запросов компетентных органов иностранных государств о выдаче 120 лиц, большинство отказов было принято по запросам государств-участников СНГ. Только 13 случаев отказа имели место по запросам государств дальнего зарубежья[37].

Генеральная прокуратура РФ принимает решение об отказе в экстрадиции по ряду причин. Основными причинами отказов в экстрадиции в 2020 году стали: 1) истечение срока давности (в 43 случаях); 2) отсутствие состава преступления (в 38 случаях); 3) наличие российского гражданства (в 27 случаях); 4) предоставление убежища или, если выдача может нанести ущерб суверенитету или безопасности, либо противоречит законодательству России (в 6 случаях).

Наиболее часто запросы о выдаче обвиняемых или подозреваемых из РФ приходят из компетентных органов стран СНГ. В 2020 году Генеральная прокуратура РФ приняла 610 решений о выдаче граждан для уголовного преследования, из них в страны СНГ – свыше 580. Наибольшее количество запросов о выдаче поступило из Белоруссии и Узбекистана. Этот показатель

в 2019 году составил почти 800 запросов, при этом более 700 запросов было удовлетворено из стран СНГ[37].

Таким образом, результат рассмотрения запросов зависит от правоприменительной практики, сложившейся в конкретных государствах. Если говорить о государствах дальнего зарубежья, то, к примеру, с Испанией, Францией, Германией и Черногорией налажено продуктивное сотрудничество в этой сфере. В качестве отрицательного примера можно привести Великобританию, отказы компетентных органов которой уже стали традицией для российских органов власти. Кроме того, наиболее часто решение об отказе в выдаче лиц принимают уполномоченные органы США со ссылкой на отсутствие двустороннего соглашения. При этом США не обращаются к иным международным механизмам как к правовым основаниям для разрешения таких вопросов, например, к положениям многосторонних конвенций ООН против транснациональной организованной преступности, коррупции и другим, как и к принципу взаимности.

В-третьих, институт экстрадиции не лишен недостатков, в частности это касается правового положения экстрадированного лица по законодательству РФ, которое недостаточно урегулировано.

В-четвертых, проблематичным представляется подход судей к делам об экстрадиции, исключающий анализ последствий с точки зрения соблюдения прав человека.

Степень разработанности темы исследования. Отдельные вопросы международного сотрудничества государств по вопросам, касающимся выдачи (экстрадиции) обвиняемых, подозреваемых исследованы в трудах таких ученых как: Р.А. Каламкаряна, В.И. Степаненко, И. Блищенко, Е.Г. Ляхова, Н.И. Костенко А.Б. Мезяева и других. Механизм защиты прав и свобод человека и гражданина при реализации института выдачи (экстрадиции) обвиняемых, подозреваемых анализируется в работах: А.Я. Капустина, В.Н. Кудрявцева, И.И. Лукашука, С.Ю. Кашкина, И.В. Павловой, Е.Т. Усенко, С.А. Лобанова и других.

Целью исследования является изучение уголовно-правовых и международно-правовых проблем института экстрадиции.

Задачи исследования:

- изучение истории становления и развития института экстрадиции в России; анализ понятия экстрадиции;
- изучение международно-правового регулирования института экстрадиции; анализ понятия выдачи лица в системе уголовных производств по УПК РФ;
- рассмотрение порядка выдачи лица для уголовного преследования и исполнения приговора; анализ оснований передачи и отказа в передачи лица для отбывания наказания; изучение порядка рассмотрения судом вопросов, связанных с передачей лица для отбывания наказания; рассмотрение вопросов передачи лиц, страдающих психическими расстройствами, для проведения принудительного лечения.

Объект исследования составляет установление международного правопорядка реализации института экстрадиции.

Предмет исследования представлен комплексом общественных отношений, возникающих между государствами по поводу реализации процедуры экстрадиции.

Методология исследования. Среди методов, применяемых в магистерской диссертации, следует выделить такие общенаучные методы, как: моделирование, анализ, синтез, логический метод. Также в работе были использованы специальные методы, среди которых особо можно выделить метод формально-логического анализа объекта и предмета исследования, формально-юридический метод, который позволяет трактовать нормативный материал в целях глубокого и полного исследования темы. В работе был использован метод системного исторического анализа, а также сравнительно-исторический метод исследования. Также в работе был использован сравнительно-правовой метод. Благодаря применению сравнительно-

правового метода выявлены сходства и различия нормативного регулирования изучаемого института в разных странах.

Источниками информации при написании выпускной квалификационной работы стали нормативные правовые акты, материалы правоприменительной практики, разъяснения контролирующих органов, статистическая и аналитическая информация, информационные ресурсы интернета, монографии, учебная литература, периодические издания и т.д.

Теоретическая значимость исследования заключается в его научной новизне и возможности применения его положений для развития российского законодательства, а также в обосновании положений, развивающих правовую теорию, в переоценке некоторых понятий российского уголовно-процессуального права и совершенствовании терминологического аппарата в сфере правового регулирования института экстрадиции в РФ.

Возможность применения результатов исследования практикующими специалистами, правотворческими органами, профессорско-преподавательским составом учебных заведений, научными коллективами свидетельствует о практической значимости исследования. Выводы, сделанные в работе, могут лечь в основу нормативных правовых актов, а также учебной литературы по дисциплинам «Уголовно-процессуальное право» и «Международное право».

Структуру исследования отличает логика изложения основного материала, она обусловлена его целью и задачами. Работа состоит из введения, трех глав, разделенных на параграфы, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Историко-правовой анализ института экстрадиции

1.1 История становления и развития института экстрадиции в России

Стремительный рост преступности в современном мире требует принятия различных мер борьбы с ней. Вследствие этого государства вынуждены объединять свои усилия в противодействии преступным проявлениям. Экстрадиция выступает одним из важных и эффективных правовых инструментов в борьбе с преступностью на межгосударственном уровне. Чтобы основательно ознакомиться с любым научным вопросом, необходимо проследить процесс его исторического развития.

Считаем необходимым в данном разделе работы на основе доктринальных источников, договорной и судебной практики изучить процесс становления и развития института экстрадиции и определение его дальнейших перспектив.

Одни ученые утверждают, что экстрадиция существовала до появления суверенных государств, другие связывают ее появление с образованием таковых. Несмотря на то, что для ранних этапов истории человечества было свойственно существование неразвитых международных отношений, которые в основном имели локальный характер, нельзя не признать, что международные связи реально существовали, в том числе и по вопросам экстрадиции. И.И. Лукашук и А.В. Наумов рассматривают выдачу как самую древнюю форму взаимной помощи государств в борьбе с преступностью [54, с. 30]. В литературе высказывается мнение, что исторически институт экстрадиции представляет собой один из древнейших институтов права [53, с. 244], приводятся библейские примеры как свидетельство того, что выдача имеет глубокую историю [35, с. 101].

Таким образом, зачатки выдачи можно найти уже в древнем мире [22, с. 11]. При этом, в рабовладельческую эпоху четко проявлялась роль

экстрадиции как средства возвращения беглых рабов. Соответствующие договоры известны Древней Греции и Римской империи, где обязательному возвращению подлежали беглые рабы [60, с. 47]. Выдача в Древнем Риме имела исключительно политический характер и применялась редко.

Отношения выдачи были известны и Киевской Руси. В частности, князь Олег в 911 г. и князь Игорь в 944 г. заключили ряд соглашений с Византией, которые предусматривали взаимную выдачу греков или русских.

Согласно данным договорам, лица, которые совершили преступления в Византии, должны быть выданы для наказания на родину, а греки – присылались в Византию. Была закреплена обязанность выдачи лиц, совершивших преступление заинтересованной стороне [21, с. 341]. Непосредственно, в ст. 14 Договора «о мире и дружбе» 911 года, была закреплена норма о выдаче преступников [27, с. 94]. Однако, по мнению К.С. Родионов в договоре 911 года речь не идет о выдаче преступников [72, с. 85].

Однако более аргументированной представляется позиция, высказанная Ф.Ф. Мартенсом в 1905 году [56, с. 232], которая разделяется многими учеными, в частности, в исследованиях С.С. Беляева, В.М. Волженкиной, Р.В. Валеева, А.М. Тисленко и других. Данные авторы полагают, что историческое начало экстрадиции заложено в договоре «О мире и дружбе» 911 года, ст. 14 которого имеет экстрадиционный характер, связанный с выдачей лиц, совершивших преступление.

В указанном договоре предусматривалось, если преступник не вернется в Русь – пусть жалуются русы христианскому цесарю и пусть схватят такого и вернут насильно в Русь. Это же все пусть делают русы грекам, если где-нибудь произойдет такое же [36, с. 107]. Как представляется, договор, заключенный князем Олегом с Византией 911 г., фактически является первой попыткой договорного урегулирования отношений, которые сегодня принято называть экстрадиционными.

К этому историческому периоду также можно отнести договоры киевского князя Игоря с Византией 945 года, князя Святослава 971 года, в которых также частично упоминалось о выдаче лиц. Однако, в соглашении 945 года закреплена выдача лица не только в случае совершения им преступления, но и на основании гражданско-правовых обязательств. Иногда стороны обязывались выдавать наряду с указанными и такую категорию лиц, как беглецы.

Важную роль в становлении основ международного сотрудничества по экстрадиции сыграла Русская Правда, в частности, норма Пространной Правды о возвращении беглых мошенников на родину [55].

Некоторые аспекты международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства получили развитие в Судебниках 1497 и 1550 гг. [73].

В XIX в. принимаются многосторонние договоры о выдаче, наибольшее количество из которых было заключено на американском континенте. В начале XIX в. заключается едва ли не самое первое многостороннее соглашение об экстрадиции – Амьенский договор, подписанный между Великобританией, Нидерландами, Испанией и Францией (1802 г.) [25 с. 117]. В 1889 г. в Монтевидео была заключена конвенция по международному уголовному праву, статьи 19-43 которой касались вопросов выдачи.

В данный период было положено начало созданию национального законодательства об экстрадиции. Так, в 1833 г. Бельгия приняла первый в мире Закон об экстрадиции. Аналогичные законы принимались в США (1848 г.), Англии (1870 г.), Голландии (1875 г.), Аргентине (1885 г.), Швейцарии (1892 г.), Мексике (1897 г.) и других государствах.

Необходимо отметить, что в XIX столетии происходят изменения в постановке вопроса о выдаче: экстрадиция могла быть осуществлена только за общие преступления, политические преступники не подлежали выдаче. В этот период право выдачи было инструментом международного

сотрудничества для пресечения преступлений [6]. В.М. Волженкина указывает, что к середине XIX столетия философские школы разработали идею прав личности, которые, безусловно, распространяются и на выдаваемое лицо [23, с. 11].

В договорной практике государств начинают постепенно закрепляться основополагающие принципы выдачи, выполняющие функции защиты прав лиц при реализации института экстрадиции. Так, например, в ст. 4 (2) Конвенции о выдаче, которая была заключена Россией с Нидерландами в 1867 г., указывалось, что выдача не допускается, если на дело или наказание прошел срок давности по законам того государства, от которой требуется выдача. В ст. 9 франко-испанской конвенции 1850 г. устанавливалось: «испанское правительство, обязуясь уважать право, которое приобрели в Испании некоторые преступники на избавление от смертной казни в связи с церковным убежищем, согласно на то, что выдача, которую оно обеспечит французскому правительству в отношении таких подсудимых такого вида, будет происходить при условии, что смертная казнь им не может быть назначена» [60].

В Уголовном уложении 1903 г. закреплялось, что Российская империя выдает иностранцев, которые совершили преступление за ее пределами, для суда и наказания в иностранном государстве. Со стороны Российской государства выдача лиц должна была производиться в соответствии с договором или на началах взаимности, утвердившихся в отношениях с запрашивающим государством. Однако, данное Уложение не содержало детальной регламентации вопросов экстрадиции. Поэтому в 1911 г. оно было дополнено главой XII «О выдаче преступников по требованию иностранных государств». После введения этих изменений начинается развитие института выдачи лиц.

После Октябрьской революции 1917 г. международные отношения в сфере экстрадиции поддерживались на дипломатическом уровне.

В советском революционном праве были определены только принципиальные основы института выдачи лиц, детали же не регламентировались. В нормах декрета «О выдаче иностранцев», принятого 01.03.1919 г., было указано, что не подлежат выдаче лица, преследуемые за религиозные преступления и за преступления, направленные против правительств, защищающих интересы господствующих классов [74, с. 23]. Хотя допускалась выдача лиц, преследуемых за преступления, направленные против правительств, отстаивающих интересы трудящихся классов. Выдача лиц за совершение иных преступлений связывалась с существованием международного договора (конвенции), заключенного с иностранными государствами, которые обращались с запросом о выдаче. Но лицо (гражданин иностранного государства) могло быть выдано и в силу особого постановления рабоче-крестьянского правительства, принятого в каждом отдельном случае. В упомянутом декрете проводилось разграничение выдачи лиц на два вида, а именно: выдачу лиц, находящихся под следствием или судом; выдаче осужденных лиц [40, с.37].

Документальным закреплением понимания советской властью утвержденного на Западе правового явления «экстрадиция» стало установление Совнаркомом СССР 23.10.1923 г. выдачи преступников. Выдача лиц понималась как основанное на договоре взаимное обязательство государств, поэтому СССР обязывался выдавать лиц только за те преступления, которые предусмотрены УК обоих государств. Определение номенклатуры экстрадиционных преступлений проводилось на основе санкции уголовно-правовой нормы, которая за совершение преступления определенного вида предусматривала наказание в виде лишения свободы.

Следующим историческим этапом в развитии института экстрадиции является послевоенный период. После Второй мировой войны привлечение к ответственности за преступления, совершенные нацистами, является одной из основных целей экстрадиции. В частности, 13.01.1942 г. было принято Межсоюзническое заявление (так называемая Сент-Джеймская декларация)

о наказании за военные преступления. Правительства девяти стран заявили, что они полны решимости в духе международной солидарности проследить за тем, чтобы виновные и ответственные, какая бы ни была их национальность, были разысканы, переданы в руки правосудия и осуждены и чтобы вынесенные приговоры были исполнены [39].

Однако, стоит отметить, что в этот период СССР выступает стороной целого ряда договоров со странами социалистического лагеря о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам, в которые включались отдельные положения о выдаче лиц и был участником многосторонних конвенций по борьбе с отдельными видами преступлений, однако специальных двусторонних договоров и конвенций именно о выдаче преступников СССР не заключал. Лишь с распадом СССР создаются условия для перехода экстрадиции на качественно новый уровень развития и функционирования в правовой системе России как отдельного комплексного межотраслевого правового института.

После распада СССР и провозглашения независимости России, наша страна стала полноправным субъектом международных отношений. В результате чего был заключен целый ряд международных договоров, предметом регулирования которых выступают экстрадиционные отношения, в частности это были договоры о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам, заключенные с разными странами с которыми Россия поддерживала международные связи.

В целом, стоит отметить, что в XX столетии государства продолжили активное сотрудничество в сфере борьбы с преступностью. Институт экстрадиции при этом играет роль эффективного средства такого сотрудничества. В течение данного исторического периода принимаются международные договоры, которые касались выдачи правонарушителей. Так, в 1933 г. в Монтевидео была принята Межамериканская конвенция о выдаче. В 1952 г. Лига арабских государств приняла Конвенцию о выдаче. В 1957 г. была принята европейская конвенция о выдаче правонарушителей, в 1962 г. –

Конвенция государств Бенилюкса, Скандинавский договор 1962 г. о выдаче. В 1990 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла типовой договор о выдаче. Значимую роль для института выдачи сыграло принятие в 1998 г. Римского Статута Международного уголовного суда, который содержит часть 9 «Международное сотрудничество и судебная помощь».

Во второй половине прошлого века произошло ощутимое усиление движения в поддержку закрепления прав человека на международном уровне. Все прогрессивное человечество пришло к выводу, что необходимо разработать такую систему международно-правовых гарантий, которая в полной мере обеспечивала бы защиту прав и свобод человека и гражданина. Следует отметить, что в середине прошлого столетия определяющим стало углубление защиты прав человека в экстрадиционном процессе.

Важно подчеркнуть, что в начале XXI столетия институт выдачи продолжает свое развитие. Государства принимают законы о выдаче, заключают международные соглашения, увеличивается судебная практика.

В результате анализа исторического развития практики выдачи можно сделать вывод, что институт экстрадиции исторически выявил свою значимость в связи с развитием, прежде всего, международных отношений, политических, экономических, социальных, культурных и правовых связей. Изучение источников и документов, посвященных рассматриваемому институту, показывает, что он претерпел концептуальные изменения. Общей тенденцией развития института экстрадиции является его гуманизация. В дальнейшем важно поддержание баланса между целями борьбы с преступностью и интересами выдаваемого лица.

1.2 Понятие экстрадиции

Историография становления и развития института экстрадиции была рассмотрена в предыдущем разделе исследования, в данном же разделе работы следует рассмотреть доктринальные подходы к определению

изучаемого понятия. Стоит отметить, что институт экстрадиции в том виде, в котором он существует в настоящее время, имеет принципиальные отличия от существовавшего в древности. Во-первых, в древности данный институт не являлся предметом регулирования какого-либо международного правового акта, он рассматривался с позиции силы, при отказе в выдаче лица, запрашивающее государство могло применить военную силу. Во-вторых, даже при наличии соглашений, они зачастую имели характер обязывающих только для одной из сторон. В-третьих, государства преследовали не только лиц, совершивших преступление и скрывавшихся от правосудия на чужих территориях, но и беглых рабов. В-четвертых, конкретного механизма осуществления выдачи не существовало.

В специальных источниках по теме исследования можно встретить различные определения понятия «экстрадиция». Экстрадиция понимается как выдача одним государством другому - лица для привлечения его к уголовной ответственности [20, с. 689]. По мнению В.М. Волженкиной экстрадиция представляет собой процедуру, посредством которой государство, под чьей уголовной юрисдикцией преследуется лицо, запрашивает и получает это лицо из страны, где оно скрывалось, с целью последующего привлечения к уголовной ответственности или для обеспечения исполнения приговора [24, с. 183].

В.К. Звирбуль и В.П. Шупилов считают, что экстрадиция – это акт правовой помощи, осуществляемый в соответствии с положениями специальных договоров и норм национального уголовного и уголовно-процессуального законодательства, заключающийся в передаче преступника другому государству для суда над ним или для приведения в исполнение вынесенного приговора [34, с.11].

По мнению, например, А.С. Подшибякина, экстрадицию следует рассматривать в качестве акта международной судебной взаимопомощи по уголовным делам, целью которого является передача лица, преследуемого в

уголовном порядке или осужденного, из пределов подсудности одного государства в пределы подсудности другого государства [65, с. 40].

Данное определение экстрадиции представляется не совсем верным. В данном случае происходит смешение с понятием передачи осужденных лиц государству их гражданства, что отличает эту процедуру от выдачи. Определяющий фактор для выдачи – вынесение приговора лицу запрашивающим государством, что составляет процесс передачи осужденных лиц государству их гражданства. Кроме того, отдельные авторы, формулируя определение понятия «экстрадиция», используют такие формулировки, как: «выдачу следует рассматривать в качестве передачи при определенных условиях одним государством другому (или международному трибуналу) лица...» [33, с. 8], что говорит о смешении с процедурой передачи международному уголовному суду, которая отличается от других видов передачи своим механизмом [81, с. 40].

Учитывая процедурные сходства выдачи и передачи лица в рамках международного сотрудничества, данные понятия не следует отождествлять. Выдачу от других схожих с ней видов международного сотрудничества отличают определенные признаки:

- это принудительная мера, которая согласована между сотрудничающими государствами и не зависит от согласия/несогласия выдаваемого лица;
- области применения - уголовное преследование и привлечение к уголовной ответственности, исполнение вынесенного судом запрашивающего государства приговора.

Передачу в рамках международного сотрудничества отличает значение этой процедуры - для дальнейшего отбывания наказания передаваемого лица на территории государства его гражданства. Здесь можно подчеркнуть следующие признаки:

- добровольный характер. Лицо, которое осуждено к лишению свободы, может быть передано государству его гражданства только с его письменного согласия;
- передача осуществляется только тому государству, с которым у передаваемого лица есть правовая связь (гражданство);
- приговор в отношении передаваемого лица вынесен судом не запрашивающего, а запрашиваемого государства;
- лицо передается с целью отбывания оставшегося срока наказания в государстве его гражданства.

В случае передачи лица, совершившего серьезные преступления, которые вызывают обеспокоенность всего международного сообщества, международным уголовным трибуналам, в том числе МУС, в большей степени следует говорить о сходстве с выдачей (экстрадицией). Однако данный вид международного сотрудничества обладает некоторыми признаками, которые позволяют установить его отличие от других видов такого сотрудничества:

- отношения выстраиваются не на уровне межгосударственного сотрудничества, а на уровне взаимодействия государства и международного судебного учреждения;
- речь в данном случае идет исключительно об уголовном преследовании обвиняемых и только по той группе преступных деяний, которые вызывают обеспокоенность всего международного сообщества.

Тем самым, неточность в использовании терминов может привести к смешению различных видов международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, обладающих своими отличающимися признаками. По этой причине, как представляется, определяя понятие «выдача» для разграничения вышеуказанных видов международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, целесообразно

использовать такие слова, как «доставка» или «предоставление», которые можно встретить и в работах малочисленных авторов [75, с. 15].

Таким образом, экстрадицию целесообразно рассматривать в качестве официальной процедуры, посредством которой запрашивающее государство просит запрашиваемое государство переместить то или иное лицо под ее юрисдикцию для уголовного преследования или исполнения приговора по уголовному делу. Главное основание экстрадиции - международное соглашение, с признанием которого государства-члены берут на себя обязательство по взаимодействию в данной сфере с другими государствами-участниками.

1.3 Международно-правовое регулирование института экстрадиции

Международно-правовое регулирование экстрадиции осуществляется посредством ряда договоров международного-правового характера. При этом, наличие договора об экстрадиции не является обязательным условием международного перемещения лица.

Например, несмотря на то, что Типовой закон УНП ООН отдает предпочтение экстрадиции, основанной на международном договоре, он предусматривает возможность экстрадиции «в качестве проявления международной вежливости либо в тех случаях, когда на основании заверений, предоставленных компетентными органами запрашивающего государства, можно исходить из того, что данное государство выполнит аналогичный запрос [страны, подписавшей закон], либо когда это представляется необходимым исходя из интересов правосудия» [8]. Международное право не предусматривает права не подвергаться экстрадиции и не устанавливает конкретной универсальной процедуры экстрадиции [30].

Международно-правовое регулирование института экстрадиции можно рассмотреть на нескольких уровнях:

- экстрадиция в рамках сотрудничества в сфере уголовного правосудия в системе ООН;
- экстрадиция в рамках Совета Европы;
- сотрудничество по уголовным вопросам в рамках СНГ: Шанхайская организация сотрудничества.

Экстрадиция занимает центральное место в системе ООН по сотрудничеству государств-членов в сфере уголовного правосудия [79].

Международные конвенции по борьбе с терроризмом, придерживаются позиции Генеральной Ассамблеи ООН, которая считает правило *aut dedere aut iudicare* («либо выдай, либо суди») краеугольным камнем сотрудничества по борьбе с терроризмом. Это Конвенция 1963 г. о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов, статья 6.1 [43]; Международная конвенция 1997 г. о борьбе с бомбовым терроризмом, статья 19 [57]; Международная конвенция 1999 г. о борьбе с финансированием терроризма, статья 21 [58]; Поправка 2005 г. к Конвенции о защите ядерного материала, новая редакция статьи 2.4 [48]; Протокол 2005 г. к Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства, новая статья 2bis.1 [69]; Протокол 2005 г. к Протоколу о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе, новая статья 2bis.1 [70]; Международная конвенция 2005 г. о борьбе с актами ядерного терроризма, статья 4 [59].

Глобальная контртеррористическая стратегия ООН 2006 года подчеркивает необходимость заключения договоров об экстрадиции «на основании принципа «либо выдай, либо суди», при должном уважении прав человека и основных свобод, и чтобы в национальных законодательствах террористические акты квалифицировались как тяжкие преступления» [26].

Согласно Типовому закону УНП ООН о борьбе с терроризмом (глава V, статья 1), «экстрадиция – это единственный канал передачи лиц иностранному государству для целей судебного разбирательства и отбывания

наказания, предусмотренный настоящими Типовыми положениями. Типовой закон не рассматривает иные виды передачи и не приветствует их.

Конвенция Совета Европы о передаче осужденных лиц 1983 года впервые создала нормативно-правовую базу для перемещения лиц, осужденных в иностранном государстве, для отбывания наказания в государстве их гражданской принадлежности [50].

Экстрадиция является важным элементом работы, которая осуществляется под эгидой Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 2001 года [83] устанавливает обязанность государств-участников сотрудничать в области предупреждения, выявления и пресечения указанных деяний, которые считаются не менее тяжкими, чем деяния, предусмотренные самой Конвенцией. Конвенция предусматривает, что в отношениях между собой Стороны рассматривают указанные деяния в качестве преступлений, влекущих экстрадицию. Хотя Конвенция не предусматривает конкретной процедуры экстрадиции и правовой помощи по уголовным вопросам, она устанавливает, что государства-участники опираются на национальное законодательство и международные договоры, участниками которых они являются, чтобы обеспечить экстрадицию и оказание правовой помощи по уголовным делам. В отношении Российской Федерации и стран Центральной Азии это означает использование Минской и Кишиневской конвенций, а также Ашхабадского соглашения.

Конвенция устанавливает обязанность государств принять меры в области национального законодательства, которые необходимы для обеспечения того, чтобы соответствующие деяния «ни при каких обстоятельствах не подлежали оправданию по соображениям исключительно политического, философского, идеологического, расового, этнического, религиозного или иного аналогичного характера и влекли наказание сообразно степени их тяжести» (ст. 3 Конвенции). Данное требование противоречит положению (которое традиционно является частью

международного договора) о том, что Конвенция «не затрагивает права и обязательства Сторон, вытекающие из иных международных соглашений, участниками которых они являются» (ст. 16 Конвенции). Большинство международных конвенций об экстрадиции, а также международных договоров в области прав человека предусматривают, что перечисленные выше ситуации являются исключениями из положений о применении экстрадиции и иных видов перемещения лиц.

Конвенция ШОС против терроризма 2009 года предусматривает обязательство Сторон установить территориальную и личную юрисдикцию в отношении преступлений терроризма [51]. Кроме того, Конвенция предоставляет государствам возможность для установления пассивной личной юрисдикции, если имеет место посягательство на объекты или интересы данного государства (ст. 5). Характерно, что Конвенция устанавливает обязанность сторон осуществлять выдачу или уголовное преследование в связи со всеми указанными преступлениями (ст. 5.3, ст. 11).

Конвенция ШОС устанавливает, что Стороны признают в качестве уголовно наказуемых следующие деяния: террористический акт; преступления терроризма, предусмотренные одним из международных договоров в области противодействия терроризму, участниками которых являются все Стороны; создание и использование юридического лица в целях планирования, организации, подготовки и совершения преступления терроризма; либо преступной группы, в соответствии с определением, данным Конвенцией; публичные призывы к терроризму или публичное оправдание терроризма; вербовка для участия в подготовке либо совершении хотя бы одного из преступлений, охватываемых Конвенцией; подготовка лиц для совершения или содействия в совершении хотя бы одного из преступлений, охватываемых Конвенцией; участие в террористической организации; финансирование терроризма; обеспечение оружием, взрывчатыми веществами и другими средствами для совершения преступлений терроризма; предоставление лицам, подозреваемым или

обвиняемым в совершении какого-либо из преступлений, охватываемых Конвенцией, укрытия, финансовой помощи или содействия в побеге, а также дача ложных показаний в их отношении (ст. 9).

Все указанные деяния влекут экстрадицию (ст. 11). Принцип обоюдного признания деяния преступлением считается соблюденным независимо от категории преступления, под которую подпадает деяние, а также наименования правонарушения в соответствии с национальным законодательством (ст. 11 (5)).

Основным региональным договором об экстрадиции в странах СНГ по-прежнему является Конвенция СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 года, с изменениями, внесенными Протоколом от 28 марта 1997 года («Минская конвенция») [46].

Конвенция СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным вопросам 2002 года («Кишиневская конвенция») устанавливает более широкий перечень оснований для отказа в экстрадиции лица [47]. К ним, помимо прочего, относится потенциальный ущерб суверенитету и безопасности запрашиваемого государства; веские основания полагать, что запрос о выдаче связан с преследованием лица по признаку расы, пола, вероисповедания, этнической принадлежности или политических убеждений; если лицу предоставлено убежище на территории запрашиваемого государства или имеются иные основания, предусмотренные в международном договоре, участниками которого являются запрашивающее и запрашиваемое государства (ст. 89).

В Европейском Союзе нормативно-правовым основанием для экстрадиции является Европейский ордер на арест (ЕОА), который устанавливает систему прямого взаимодействия между судами. ЕОА – это «выданное государством-членом судебное решение в целях задержания и передачи другим государством-членом разыскиваемого лица для

осуществления уголовного преследования либо для исполнения наказания или меры пресечения, связанных с лишением свободы» [71].

В рамках исследования представляется целесообразным сравнить ЕОА и экстрадицию, с целью установления сходства и различий.

Следует выделить ряд элементов, отражающих суть экстрадиции и одновременно применимые к ЕОА:

- экстрадиция является актом правовой помощи между государствами. Взаимная правовая помощь - это совокупность различных форм сотрудничества государств. Передача по ЕОА есть форма сотрудничества между государствами - членами ЕС. В частности, согласно п. 6 преамбулы Рамочного решения о ЕОА ордер представляет собой выражение принципа взаимного признания судебных решений, который является «краеугольным камнем сотрудничества в области правосудия». Таким образом, ЕОА является видом правовой помощи по уголовным делам между государствами - членами ЕС, реализуемой на основании принципа взаимного признания судебных решений.
- в центре и экстрадиции, и ЕОА находится передача лица в официальном порядке. Так, ЕОА определяется как «судебное решение в целях задержания и передачи... разыскиваемого лица...» (ч. 1 ст. 1 Рамочного решения о ЕОА). Такая передача совершается в соответствии с формальной процедурой.
- экстрадиция, в соответствии с Европейской конвенцией о выдаче 1957 г., осуществляется между государствами, которые именуются «запрашивающее» и «выдающее». В Рамочном решении о ЕОА данные субъекты обозначены как «выдающее ордер» и «исполняющее ордер» государства-члены (ст. 6). По сути, и экстрадиция, и ЕОА осуществляются между одними и теми же субъектами - государствами.

- экстрадиция осуществляется в отношении лица, обвиняемого в совершении преступления или осужденного за преступление. Передача по ЕОА также осуществляется в отношении обвиняемого или лица, которому уже вынесен обвинительный приговор.
- цель ЕОА, состоящая, согласно Рамочному решению о ЕОА, в «осуществлении уголовного преследования либо исполнении наказания или меры безопасности, связанных с лишением свободы» (ч. 1 ст. 1), совпадает с целью экстрадиции.

Круг источников регулирования экстрадиции может включать нормы международного, европейского и национального права. Нормы о ЕОА также содержатся в праве ЕС и в имплементирующем право ЕС законодательстве государств - членов ЕС.

Тем не менее, указывается, что регулирование ЕОА отличается от регулирования экстрадиции, так как включает источник, характерный для ЕС как особого интеграционного образования, - Рамочное решение о ЕОА [5]. Однако межгосударственный характер регулирования института остается, так как рамочные решения основываются на учредительных договорах ЕС, которые были заключены непосредственно между государствами - членами ЕС. Кроме того, наличие особого источника правового регулирования при совпадении иных элементов такой правовой базы не может служить основанием для признания передачи по ЕОА отличным от экстрадиции явлением.

Таким образом, элементы понятия ЕОА совпадают с элементами понятия экстрадиции, а следовательно, ЕОА является формой экстрадиции. Однако нельзя не согласиться с тем, что ЕОА имеет определенную специфику.

Первое отличие ЕОА от экстрадиции состоит в том, что передача по ЕОА осуществляется по судебному решению, а экстрадиция - по решению административных органов [11]. То есть экстрадиция, как правило, подразумевает административный порядок. Несмотря на то, что суд может

участвовать в этой процедуре, окончательное решение принимается административным органом. Например, в Польше допустимость экстрадиции проверяет суд, а уже потом министр юстиции выносит решение об экстрадиции.

Передача по ЕОА предполагает рассмотрение вопроса и принятие решения только судебным органом. Такой судебный орган определяется в соответствии с национальным законодательством (ст. 6 Рамочного решения о ЕОА). Так, Дания, Эстония, Латвия, Литва, Финляндия и Швеция изначально отдали все или некоторые функции по выдаче ЕОА на усмотрение органам исполнительной власти. Соответственно, многие годы механизм ЕОА успешно функционировал и без полного соблюдения условия о судебном характере решений о передаче по ЕОА, пока в 2016 г. Суд ЕС не занял более жесткую позицию, не допускающую вмешательства исполнительной власти в принятие таких решений [9].

Тем не менее, представляется, что само по себе различие уполномоченных органов не может служить основанием для безусловного разграничения экстрадиции и ЕОА. Важна цель, для которой был введен судебный порядок принятия решения о передаче по ЕОА, - ликвидация усмотрения административных органов, присущего экстрадиции. Однако разграничить ЕОА и экстрадицию с точки зрения усмотрения весьма затруднительно.

Усмотрение правительств государств при экстрадиции связано с тем, что экстрадиция является правом, но не обязанностью государства. Вместе с тем усмотрение правительств может быть ограничено обязанностью выдачи, предусмотренной в международных договорах.

В механизме ЕОА судебный орган также получает право на определенное усмотрение при решении вопроса о передаче:

- Рамочное решение о ЕОА предусматривает факультативные основания для отказа в передаче (например, ст. 4);

- некоторые государства в национальном законодательстве, имплементирующем Рамочное решение о ЕОА, закрепили дополнительные основания для отказа в исполнении ЕОА, например связанные с гуманитарными соображениями [12];
- Суд ЕС подтвердил, что обязанность исполнить ЕОА не является абсолютной [4]. ЕОА может не исполняться в исключительных случаях [7]. Например, Суд ЕС признал возможным неисполнение ЕОА в случае нарушения прав человека при определенных обстоятельствах [10]. Следовательно, в этом аспекте у органов, принимающих решение о передаче по ЕОА, также есть усмотрение.

Таким образом, грань между усмотрением органов, принимающих решение в рамках экстрадиции и передачи по ЕОА, не является четкой.

Вторым значимым отличием передачи по ЕОА от экстрадиции является невозможность использования такого основания отказа в экстрадиции, как невыдача собственных граждан [11]. Однако Рамочное решение о ЕОА предусматривает факультативное основание для отказа от исполнения ЕОА в случае, когда он выдан для исполнения наказания (меры безопасности, связанной с лишением свободы) в отношении гражданина исполняющего ЕОА государства-члена или проживающего в нем лица, если такое лицо находится на территории указанного государства-члена и такое государство-член обязуется исполнить подобное наказание или меру безопасности в соответствии с собственным внутренним правом (ч. 6 ст. 4). Кроме того, исполнение ЕОА в отношении гражданина или постоянного жителя исполняющего ЕОА государства-члена может быть обусловлено возвращением данного лица в запрашиваемое государство-член для отбывания наказания (ч. 3 ст. 5).

Что касается экстрадиции, то здесь принцип невыдачи собственных граждан также не является абсолютным. Например, договоры США с Латвией, Румынией и Эстонией разрешают выдачу собственных граждан [1; 2; 3]. Соответственно, отход от данного основания отказа в передаче лица не

может служить аргументом в пользу трансформации ЕОА в совершенно новый механизм.

Третьим существенным отличием передачи по ЕОА от экстрадиции является отход от принципа двойного вменения. Однако такой отход в механизме ЕОА является частичным: этот принцип применяется ко всем преступлениям, кроме 32 перечисленных в Рамочном решении о ЕАО. Помимо этого, ограничение применения рассматриваемого принципа наблюдалось уже в Конвенции о выдаче между государствами - членами Европейского союза 1996 г., что, однако, не позволяло говорить о том, что экстрадиция на основании этого акта трансформировалась в совершенно новый институт. Указанное различие не является ключевым для целей признания ЕОА отличным от экстрадиции понятием.

Четвертым важным отличием передачи по ЕОА от экстрадиции является отступление от принципа невыдачи по политическим преступлениям: согласно Рамочному решению о ЕОА политический характер преступления не может быть основанием для отказа в передаче.

Вместе с тем применение данного принципа ограничивалось и в конвенциях, затрагивающих вопросы экстрадиции (например, в Европейской конвенции о пресечении терроризма ETS № 090 1977 г. [32] и упомянутой Конвенции 1996 г.). Соответственно, отход от указанного принципа не является новым для экстрадиции.

Пятым отличием передачи по ЕОА от экстрадиции в литературе называют установление Рамочным решением о ЕОА конкретных сроков процедуры. Представляется, что данное отличие нельзя признать основанием для разделения этих понятий, так как оно не меняет сути рассматриваемого механизма. Приведенные выше различия не позволяют четко разграничить ЕОА и экстрадицию, следовательно, ЕОА следует рассматривать как форму экстрадиции.

В данной главе исследования автором был изучен процесс становления и развития института экстрадиции. Изучение источников и документов, посвященных рассматриваемому институту, показывает, что он претерпел концептуальные изменения. Общей тенденцией развития института

экстрадиции является его гуманизация. В дальнейшем важно поддерживать баланс между целями борьбы с преступностью и интересами выдаваемого лица.

Современный институт экстрадиции имеет принципиальные отличия от существовавшего в древности:

- в древности данный институт не являлся предметом регулирования какого либо международного правового акта, он рассматривался с позиции силы, при отказе в выдаче лица, запрашивающее государство могло применить военную силу;
- даже при наличии соглашений, они зачастую имели характер обязывающих только для одной из сторон;
- государства преследовали не только лиц, совершивших преступление и скрывавшихся от правосудия на чужих территориях, но и беглых рабов;
- конкретного механизма осуществления выдачи не существовало.

Автором было сформулировано определение понятия «экстрадиция» и проанализирован ряд положений и правовых актов международного уровня. В результате было установлено, что процедура экстрадиции направлена на повышение международного сотрудничества по вопросам уголовного правосудия.

Международно-правовое регулирование института экстрадиции было рассмотрено на нескольких уровнях:

- экстрадиция в рамках сотрудничества в сфере уголовного правосудия в системе ООН;
- экстрадиция в рамках Совета Европы;
- сотрудничество по уголовным вопросам в рамках СНГ: Шанхайская организация сотрудничества.

Глава 2 Выдача лица для уголовного преследования и исполнения приговора

2.1 Понятие выдачи лица в системе уголовных производств по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации

Основополагающие начала порядка выдачи лиц для уголовного преследования отражены в уголовно-процессуальном законодательстве. Поэтому представляется целесообразным рассмотреть принципы выдачи лиц.

В специальной литературе по теме исследования можно встретить различные классификации рассматриваемых принципов [28]. При этом, применение тех или иных принципов в полной мере опирается на специфику правовой системы государства, данные принципы зависят и от модели выдачи и прочих условий. К примеру, принцип невыдачи собственных граждан, который установлен в Эстонии, допускающей выдачу собственных граждан [61].

По общему принципу международного права в области экстрадиции, последняя не может применяться для уголовного преследования за преступления незначительной тяжести. Порог минимального наказания за преступления, влекущие экстрадицию, варьируется от одного до двух лет лишения свободы (Типовой договор ООН о выдаче, статья 2(1); Типовой закон ООН о выдаче. ч. 2, глава 1, раздел 3). Данные критерии применимости нашли отражение и в ч. 3 ст. 462 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) [76].

Например, как следовало из материалов, деяние, в котором обвинялся А. на территории республики Беларусь, по российскому уголовному законодательству является также уголовно наказуемым и соответствует ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ, как покушение на кражу, то есть на тайное хищение чужого имущества, группой лиц по предварительному сговору, с незаконным проникновением в иное хранилище, в особо крупном размере.

Преступление, в совершении которого обвинялся А. на территории Республики Беларусь, относится к категории тяжких преступлений, оно не направлено против интересов Российской Федерации, где А. к уголовной ответственности за инкриминируемое деяние не привлекался и не привлекается, не был за него осужден.

Генеральная прокуратура Республики Беларусь в запросе предоставила гарантии того, что запрос о выдаче А. не имеет цели его преследования по политическим мотивам, в связи с расовой принадлежностью, вероисповеданием, национальностью или политическими взглядами; ему будут предоставлены все возможности защиты, без согласия Российской Федерации он не будет выдан третьему государству, будет привлечен к уголовной ответственности только за то преступление, которое указано в запросе, после окончания судебного разбирательства, а в случае вынесения обвинительного приговора после отбытия наказания сможет свободно покинуть территорию Республики Беларусь.

Оснований подвергать сомнению гарантии, предоставленные властями Республики Беларусь, как у суда первой инстанции, так и у суда апелляционной инстанции, не усматривалось [14].

Важным требованием является правило неизменности квалификации, согласно которому государство может осуществлять судебное преследование, вынесение приговора, задержание, повторную выдачу третьему государству или ограничение личной свободы в отношении лица только за преступление, за которое оно было выдано и которое было совершено до экстрадиции.

Так, Омский областной суд в своем постановлении правильно указал, что правоохрнительными органами Республики Казахстан предоставлены письменные гарантии соблюдения прав Гуруряна Н.О., предусмотренные п. 3 ч. 3 ст. 462 УПК РФ. Кроме того, суд обоснованно сослался на гарантии Генеральной прокуратуры Республики Казахстан о том, что Гурурян Н.О. не будет преследоваться по признакам национальности, языка, расы,

убеждений, вероисповеданию, а также не будет подвергнут пыткам, жестокому, бесчеловечному или унижающему человеческое достоинство обращению, ему будут предоставлены все возможности для защиты, в том числе помощь адвокатов, а, в случае необходимости, надлежащие медицинское лечение и медицинская помощь [17].

Принцип обоюдного признания деяния преступлением предусматривает, что преступление, в отношении которого запрашивается экстрадиция, является наказуемым как в запрашивающем, так и в исполняющем государстве. Данный принцип содержится в Конституции РФ (ч.2 ст. 63) и УПК РФ (ч. 1 ст. 464).

По общепризнанному правилу международного права в области экстрадиции, лицо не может быть выдано за «политические» преступления. Согласно Декларации ООН, дополняющая Декларацию 1994 года о мерах по ликвидации международного терроризма, исключение по признаку политического преступления не применяется к преступлениям терроризма [29].

Следует отметить, что Минская конвенция не предусматривает исключения по признаку дискриминации. При этом Кишиневская конвенция запрещает экстрадицию при наличии веских оснований полагать, что запрос об экстрадиции связан с преследованием лица по признаку расы, пола, вероисповедания, этнической принадлежности или политических убеждений, либо если лицу было предоставлено убежище.

В России основания для отказа в экстрадиции соответствуют основаниям для признания статуса беженца, предусмотренным Женевской конвенцией о статусе беженцев и применяются только в том случае, если лицу было предоставлено убежище (абз. 2 ч. 1 ст. 464 УПК РФ).

Например, в апелляционной жалобе в защиту ФИО1 адвокат считает постановление незаконным, необоснованным, подлежащим отмене. Ссылаясь на п. 2 ч. 1 ст. 464 УПК РФ, указывает, что в судебном заседании ФИО1 сообщил о подаче 8 ноября 2019 г. прошения на имя Президента РФ о

предоставлении ему временного убежища в связи с преследованием на территории Республики Беларусь по признаку вероисповедания и национальности. Отмечает, что документы, подтверждающие вышеизложенное, приобщены к материалам дела. Не соглашается с выводами суда об отсутствии сведений, указывающих на наличие лично для ФИО1 риска применения пыток, жестокого обращения и т.п., в том числе по мотивам его национальной принадлежности и вероисповедания, а также доказательств, свидетельствующих о веских основаниях полагать, что в случае выдачи он столкнется с реальной опасностью подвергнуться противозаконному обращению в принимаемом государстве. Указывает, что в своих объяснениях в рамках экстрадиционной проверки и в судебном заседании ФИО1 последовательно указывал, что по национальности является евреем, по вероисповеданию - иудеем, приводил конкретные обстоятельства того, как он и его близкие родственники на территории Республики Беларусь неоднократно преследовались по данному признаку, вышеуказанные доводы ни в ходе проверки, ни при рассмотрении жалобы на решение о выдаче опровергнуты не были. Отмечает, что в последние годы президент Белоруссии неоднократно осуждался руководством Израиля за антисемитские высказывания. Полагает, что указанные обстоятельства наглядно свидетельствуют о наличии реальной возможности преследования ФИО1 по признаку вероисповедания и национальности в случае его выдачи в Республику Беларусь. Считает, что ни в запросе Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, ни в решении Генеральной прокуратуры Российской Федерации не приведено объективных и достаточных гарантий того, что в случае выдачи в Республику Беларусь, ФИО1 не будет преследоваться по национальному признаку и вероисповеданию, что при уголовном преследовании будут в полном объеме обеспечены его процессуальные права, в том числе, на справедливое судебное разбирательство. Просит постановление отменить, удовлетворить жалобу ФИО1 на решение заместителя Генерального прокурора РФ от 10 октября 2019 г. о его выдаче

компетентным органам Республики Беларусь для привлечения к уголовной ответственности.

В возражениях на апелляционные жалобы прокурор ФИО10, опровергая изложенные в них доводы, просит оставить апелляционные жалобы без удовлетворения, постановление - без изменения.

Проверив материалы, обсудив доводы, содержащиеся в апелляционных жалобах и возражениях, выслушав стороны, судебная коллегия приходит к следующему.

Каких-либо оснований, предусмотренных ст. 464 УПК РФ и положениями Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 года, которые бы препятствовали выдаче ФИО1 в Республику Беларусь для уголовного преследования, судом не установлено, не находит их и судебная коллегия.

ФИО1 является гражданином Республики Беларусь, российского гражданства не имеет.

Вопреки доводам жалоб, наличие намерения у лица получить статус беженца или временное убежище на территории страны пребывания, или гражданство этой страны, является недостаточным для отказа в выдаче такого лица.

По смыслу ст. 463 УПК РФ, вопрос о законности и обоснованности решения о выдаче разрешается исходя из обстоятельств, существовавших на момент принятия такого решения. В связи с этим обращение лица в компетентные органы с ходатайством о предоставлении ему временного или политического убежища, статуса беженца после принятия решения о выдаче не должно влечь за собой отложение рассмотрения жалобы на решение о выдаче, поскольку признание судом такого решения законным и обоснованным не обуславливает в дальнейшем фактическую передачу лица запрашивающему государству до разрешения соответствующего ходатайства либо до окончания процедуры обжалования при наличии отказа в удовлетворении такого ходатайства.

В материалах отсутствуют сведения о возможном уголовном преследовании по мотивам, не связанным с уголовным делом в отношении ФИО1, доводы последнего о наличии для него реальной опасности подвергнуться противозаконному обращению в Республике Беларусь в связи с его национальной принадлежностью и вероисповеданием, какими-либо объективными данными не подтверждаются, являются необоснованными [15].

Международные соглашения об экстрадиции запрещают экстрадицию за преступления, которые караются смертной казнью.

Так, Кишиневская конвенция запрещает экстрадицию за преступления, караемые смертной казнью. В Минской конвенции эти вопросы не отражены.

Запрещается перемещение лиц из государств, которые отменили смертную казнь или ввели мораторий на ее применение, в государства, где имеется угроза применения смертной казни [38].

Как известно, Российская Федерация подписала Протокол № 6 к ЕКПЧ об отмене смертной казни в мирное время, но так и не ратифицировала его. В 1999 году Конституционный Суд РФ признал, невозможным назначать наказание в виде смертной казни вплоть до того, пока не будет введен институт суда присяжных на всей территории Российской Федерации [66].

Однако уже в 2009 году Конституционный Суд РФ признал необратимым процесс отмены смертной казни [62], тем самым объявив бессрочный мораторий на смертную казнь.

Российское законодательство устанавливает, что суд отказывает в экстрадиции лица, если она противоречит российскому законодательству или международным договорам Российской Федерации (ст. 464 УПК РФ).

Применяя данный запрет, Пленум Верховного суда РФ постановил, что в экстрадиции должно быть отказано при наличии серьезных оснований полагать, что в запрашивающей стране выдаваемое лицо может подвергнуться пыткам или бесчеловечному и унижающему достоинство обращению, либо когда исключительные обстоятельства свидетельствуют о

том, что экстрадиция повлечет опасность для его жизни и здоровья, в том числе с учетом его возраста и физического состояния. Пленум указал, что органы, в ведении которых находится дело об экстрадиции, должны рассмотреть вопрос о наличии серьезных оснований полагать, что к лицу может быть применено наказание в виде смертной казни, пытки, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание, а также что лицо может подвергнуться преследованию по признаку расы, вероисповедания, гражданства, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или по политическим убеждениям. Кроме того, необходимо принимать во внимание как общую ситуацию в запрашивающем государстве, так и конкретные обстоятельства дела. В этой связи могут учитываться показания лица, в отношении которого поступил запрос об экстрадиции, а также свидетелей; гарантии запрашивающего государства и сведения о нем, предоставленные Министерством иностранных дел, компетентными органами ООН и Европейским комитетом по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания [67].

Минская и Кишиневская конвенции запрещают экстрадицию за деяния, которые преследуются исключительно в порядке частного обвинения. Данное ограничение не имеет аналогов в иных актах международного права. Оно закреплено в российском законодательстве (ч. 2 ст. 464 УПК РФ).

Как известно, частное обвинение является правом, а не обязанностью потерпевшего, который свободен в решении вопроса о судебной защите своего нарушенного права, законного интереса (ст. 22 УПК РФ), примириться с обвиняемым либо отказаться от обвинения (ч. 5 ст. 319, ч. 5 ст. 321 УПК РФ).

В ч. 2 ст. 20 УПК РФ перечислены составы преступлений, по которым уголовное преследование осуществляется в порядке частного обвинения:

- умышленное причинение легкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности (ч. 1 ст. 115 УК РФ);
- нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в ст. 115 УК РФ, и не содержащих признаков состава преступления, предусмотренного ст. 116 УК РФ, лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние (ст. 116.1 УК РФ);
- клевета, то есть распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию (ч. 1 ст. 128.1 УК РФ).

Как можно заметить, преступления по делам частного обвинения относятся к числу тех, которые не представляют значительной общественной опасности и раскрытие которых по общему правилу не вызывает трудностей, в связи с чем потерпевший сам может осуществлять в порядке частного обвинения уголовное преследование лица, совершившего в отношении его соответствующее преступление, - обращаться за защитой своих прав и законных интересов непосредственно в суд и доказывать как сам факт совершения преступления, так и виновность в нем конкретного лица, минуя обязательные в иных ситуациях процессуальные стадии досудебного производства.

Так, в апелляционной жалобе защитник Тошкулов С.Т. выразил несогласие с решением заместителя Генерального прокурора Российской Федерации о выдаче Кодирова Х.М., полагая, что уголовное дело, возбужденное в связи с преступлением, в совершении которого обвиняется Кодиров, является уголовным делом частного обвинения, поэтому на основании п. 4 ч. 2 ст. 464 УПК РФ Кодиров не мог быть выдан.

Проверив материал, обсудив доводы апелляционных жалоб, Судебная коллегия не нашла оснований для их удовлетворения, так как вопреки

достоинством апелляционной жалобы, в соответствии как со ст. 26 УК Кыргызской Республики, так и со ст. 20 УК Российской Федерации, уголовное дело о преступлении, в совершении которого обвиняется Кодиров Х.М., не относится к делам частного обвинения [18].

Таким образом, препятствия к экстрадиции по признакам, предусмотренным международным правом, неодинаково отражены в законодательстве различных зарубежных государств, что компенсируется тем фактом, что национальные суды и иные органы власти могут напрямую применять предусмотренные международным правом препятствия к экстрадиции. Данное требование закреплено в УПК РФ. Однако зачастую суды оставляют международную практику по данному вопросу без внимания, так как исходят из предположения о том, что сама по себе она не обладает исполнительной силой и не подлежит прямому применению.

2.2 Порядок выдачи лица для уголовного преследования и исполнения приговора

Процедура экстрадиции инициируется с целью проведения уголовного расследования или осуществления уголовного преследования в отношении подозреваемого лица, которое находится за границей.

В Российской Федерации запрос об экстрадиции оформляется прокурором, в ведении которого находится конкретное дело, и направляется в Генеральную прокуратуру. Хотя запрос об экстрадиции может быть оформлен без решения суда, лицо, подлежащее экстрадиции, всегда может обжаловать его в судебном порядке. Рассмотрение запросов компетентных органов иностранных государств об осуществлении уголовного преследования или о возбуждении уголовного дела на территории РФ и контроль за их исполнением возложены на Главное управление международно-правового сотрудничества, являющееся самостоятельным структурным подразделением Генеральной прокуратуры РФ [78].

Особенностью процедуры запроса экстрадиции в Российской Федерации является то, что основные полномочия в данной сфере возложены на органы прокуратуры.

Система криминальной информации Международной организации полиции (Интерпол) является глобальной системой, которая используется для запросов о розыске лиц. К ней регулярно обращаются власти Российской Федерации и стран Центральной Азии, а также государств-членов ЕС.

Государства-участники СНГ используют региональную систему розыска – Межгосударственный информационный банк разыскиваемых лиц (МИБ), при помощи которого осуществляется розыск на территории стран СНГ. Информационный банк был создан на основании Договора государств-участников СНГ о межгосударственном розыске лиц [31]. Это система обнаружения, задержания и заключения под стражу лиц в целях экстрадиции, осуществления уголовного преследования или отбывания наказания, которая обеспечивает сотрудничество, в том числе обмен информацией и осуществление «скоординированных оперативно-розыскных мероприятий».

В рассматриваемых государствах сложилась практика, в соответствии с которой формирование и ведение информационного банка осуществляют министерства внутренних дел государств-участников СНГ.

Централизованный информационный массив межгосударственного розыска лиц формируется и ведется Министерством внутренних дел Российской Федерации. В рамках межгосударственного розыска лиц в странах СНГ правоохранительные органы направляют запрос в письменной форме. Кроме того, запросы могут передаваться устно с последующим письменным подтверждением в срок не позднее трех суток (ст. 5 Договор СНГ о межгосударственном розыске лиц). Разыскиваемое лицо может быть задержано и заключено под стражу в ожидании рассмотрения дела или в ожидании дальнейших указаний властей запрашивающего государства, даже при отсутствии судебного решения о досудебном содержании под стражей.

Данная процедура применяется и в тех случаях, когда лицо разыскивается не по уголовному делу. Аналогичным образом, запрос может быть направлен в отношении лиц, которые не могут сообщить о себе установочные данные.

При наличии судебного решения о заключении под стражу разыскиваемого лица власти государства, задержавшего последнего, запрашивают у инициатора розыска подтверждающие документы, которые в соответствии с законодательством государства, осуществившего задержание, являются основанием для содержания задержанного лица под стражей.

Запрос о выдаче должен содержать:

- наименование и адрес запрашивающего органа;
- полное имя лица, в отношении которого направлен запрос о выдаче, дату его рождения, данные о гражданстве, месте жительства или месте пребывания и другие данные о его личности, а также по возможности описание внешности, фотографию и другие материалы, позволяющие идентифицировать личность;
- изложение фактических обстоятельств и правовую квалификацию деяния, совершенного лицом, в отношении которого направлен запрос о выдаче, включая сведения о размере причиненного им ущерба, с приведением текста закона, предусматривающего ответственность за это деяние, и обязательным указанием санкций;
- сведения о месте и времени вынесения приговора, вступившего в законную силу, либо постановления о привлечении в качестве обвиняемого с приложением заверенных копий соответствующих документов.

Так, выводы суда в постановлении о том, что в постановлениях о мере пресечения и об объявлении в розыск указаны не все действия Таджибаева М.А., отраженные в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, и поэтому невозможно установить, за какие именно деяния требуется выдача, сравнить соответствие составов преступлений по УК РФ с УК КР, сделаны

без учета требований ст. 171 УПК РФ о том, что описание преступного деяния с указанием обстоятельств, подлежащих доказыванию, должно содержаться в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, а также п. п. 3 и 4 ч. 4 ст. 460 УПК РФ о том, что запрос о выдаче лица для привлечения к уголовной ответственности, должен содержать постановление о привлечении в качестве обвиняемого с приложением заверенных копий соответствующих документов, изложение, в том числе, фактических обстоятельств и правовую квалификацию деяния, совершенного лицом, в отношении которого направлен запрос о выдаче. Эти требования закона в запросе о выдаче выполнены и данные документы имеются. Само по себе наличие в деле двух постановлений о привлечении в качестве обвиняемого Таджибаева М.А. не ставит под сомнение факт привлечения органами следствия Кыргызской Республики в качестве обвиняемого Таджибаева М.А. В постановлениях о привлечении в качестве обвиняемого указаны конкретные действия Таджибаева М.А. при массовых беспорядках в составе группы в 20 - 30 человек, а также указана юридическая квалификация этих действий. Каких-либо данных, свидетельствующих о предоставлении Кыргызской Республикой сфальсифицированных документов, нет. Данные, содержащиеся в требовании о выдаче, соответствуют данным, изложенным в постановлении о выдаче. Несовпадение в описании отдельных признаков состава преступления, в совершении которого обвиняется Таджибаев М.А. и в юридической квалификации деяния, не является основанием для отказа в выдаче, поскольку оцениваться должны фактические обстоятельства деяния и наказуемость деяния по законам Российской Федерации и Кыргызской Республики [13].

Не так давно был принят Регламент, регулирующий межгосударственный розыск лиц в странах СНГ, который не предусматривает механизма обжалования решения. Исполнение запроса «может быть отложено или в его исполнении может быть отказано, если компетентный орган запрашивающей Стороны полагает, что исполнение

запроса может нанести ущерб суверенитету, безопасности, общественному порядку или другим существенным интересам его государства либо противоречит национальному законодательству или иным международным обязательствам запрашиваемой Стороны» (ст. 5 Договор СНГ о межгосударственном розыске лиц). При этом Регламент базы данных стран СНГ не содержит указания на права человека.

Система стран СНГ предусматривает возможность осуществления совместной оперативно-розыскной деятельности. При проведении совместных оперативно-розыскных мероприятий сотрудникам, прибывшим из запрашивающего государства, разрешается «пребывание на территории запрашиваемой Стороны и... присутствовать при проведении оперативно-розыскных мероприятий».

Прибывшие сотрудники обязаны соблюдать Регламент и законодательство принимающего государства, а их присутствие при проведении оперативно-розыскных мероприятий может быть прекращено по обоснованному решению принимающего подразделения компетентного органа с уведомлением центральных аппаратов компетентных органов взаимодействующих Сторон. В случае задержания разыскиваемого лица прибывшие сотрудники предоставляют процессуальные и иные документы, дающие основания для заключения задержанного под стражу.

В отношении лица, подлежащего выдаче в иностранное государство, предусмотрено применение меры пресечения в виде заключения под стражу (ст. 466 УПК РФ).

Если судом запрашиваемого государства не принято решение об избрании в отношении лица меры пресечения в виде заключения под стражу, то прокурор для обеспечения выдачи такого лица обращается в суд для избрания указанной меры пресечения. Если такое решение судом иностранного государства принято и приложено к запросу о выдаче, прокурор вправе подвергнуть лицо домашнему аресту или заключить его под

стражу без подтверждения указанного решения судом РФ (ч. ч. 1-2 ст. 466 УПК РФ).

При рассмотрении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу суды руководствуются ч. 2 ст. 97, ст. ст. 108, 109, 466 УПК РФ, п. 1 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и др.

Как следовало из материалов уголовного дела, 2 сентября 2020 года следователем Могилевского межрайонного отдела Следственного комитета Республики Беларусь было возбуждено уголовное дело в отношении Т. ч. 3 ст. 339 УК Республики Беларусь.

Постановлением 29 октября 2020 года Титовец привлечен к уголовной ответственности, ему предъявлено обвинение в совершении вышеуказанного преступления и в тот же день Титовец объявлен в розыск в связи с не установлением его место нахождения.

18 ноября 2020 года постановлением ст. следователя Могилевского межрайонного отдела Следственного комитета Республики Беларусь, санкционированным заместителем прокурора г. Могилева, в отношении обвиняемого Т. применена мера пресечения в виде заключения под стражу.

15 января 2021 года, в связи с задержанием Т. на территории города Москвы, поступило требование с просьбой задержать находящегося в межгосударственном розыске Т. до решения вопроса об экстрадиции.

Сроки давности привлечения Т. к уголовной ответственности, предусмотренные ст. 78 УК РФ, не истекли.

Принимая решение о необходимости удовлетворения ходатайства прокурора и избрании в отношении Т. меры пресечения в виде заключения под стражу, суд апелляционной инстанции исходил из характера и степени общественной опасности инкриминируемого преступления, а также данных о личности обвиняемого, который находится в межгосударственном розыске, и в отношении которого следователем, с санкции заместителя прокурора г. Могилева заочно избрана мера пресечения в виде заключения под стражу.

В связи с указанными обстоятельствами суд апелляционной инстанции приходит к выводу о невозможности применения в отношении Т. более мягкой меры пресечения.

Объективных сведений, свидетельствующих о невозможности Т. содержаться под стражей в условиях следственного изолятора по состоянию здоровья, об ухудшении состояния его здоровья в представленных материалах не имеется. Медицинское заключение о наличии противопоказаний, исключающих возможность содержания Т. под стражей, в материалах отсутствует, суду первой инстанции и суду апелляционной инстанции не представлено [19].

О месте, дате и времени передачи лица РФ уведомляет иностранное государство, которое должно принять лицо в течение 15 суток. В противном случае выдаваемое лицо подлежит освобождению из-под стражи. По запросу иностранного государства с учетом наличия уважительных причин этот срок может быть продлен, однако, во всяком случае, лицо подлежит освобождению по истечении 30 суток со дня, установленного для его передачи (ст. 467 УПК РФ).

Осуществление перемещения экстрадируемых лиц возложено на службу исполнения наказания в РФ. К числу основных задач, решаемых ФСИН России, отнесены, в частности, охрана и конвоирование иностранных граждан и лиц без гражданства в случае их экстрадиции [77].

Выдача лиц для уголовного преследования и исполнения наказания опирается как на общие принципы международного сотрудничества, так и на специальные принципы выдачи лиц при сотрудничестве государств по уголовным делам. С практической точки зрения значение принципов выдачи сложно переоценить, поскольку их сущность отражена в запросах об осуществлении выдачи лица, пребывающего на территории иностранного государства.

Российская Федерация вправе направить иностранному государству запрос о выдаче ей лица для уголовного преследования или исполнения

приговора. Основанием к этому служит наличие международного договора с таким иностранным государством (ч. 1 ст. 460 УПК РФ). В связи с этим суды выясняют, является ли соответствующее иностранное государство участником международного договора РФ. При отсутствии договора основанием выступает письменное обязательство Генерального прокурора РФ о выдаче в будущем этому государству лиц в соответствии с законами РФ. В таких отношениях ключевым является принцип взаимности. Этот принцип подразумевает, что от государств можно ожидать, что в аналогичной ситуации они выдадут друг другу лиц для осуществления уголовного преследования или исполнения приговора, передадут осужденных лиц для отбывания наказания. Если виновный уже осужден судом иностранного государства, тогда его выдача осуществляется для исполнения приговора по законам РФ.

Статьей 461 УПК РФ установлены пределы уголовной ответственности лица, выданного РФ: лицо не может быть задержано, привлечено в качестве обвиняемого, осуждено без согласия государства, его выдавшего, за исключением случаев, указанных в ч. 2 ст. 461 УПК РФ; лицо не может быть передано третьему государству за преступление, не указанное в запросе о выдаче.

Так, в кассационном представлении первый заместитель прокурора Чувашской Республики поставил вопрос об отмене приговора и возвращении уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом, приведя доводы, что Г. по запросу Генеральной прокуратуры РФ был выдан Российской Федерации для привлечения его к уголовной ответственности по ч. 3 ст. 162 УК РФ и 02 октября 2018 года этапирован на территорию России. В запросе о выдаче Генеральная прокуратура РФ представила португальской стороне гарантии, что Г. будет привлечен к уголовной ответственности и подвергнут наказанию только за то преступление, в связи с которым запрашивается его выдача. В соответствии с ч. 1 ст. 461 УПК РФ лицо, выданное иностранным государством, не может

быть задержано, привлечено в качестве обвиняемого, осуждено без согласия государства, его выдавшего, за преступление, не указанное в запросе о выдаче. Однако после экстрадиции Г., 26 декабря 2018 года в нарушение ст. 461 УПК РФ и Европейской конвенции о выдаче, а также гарантий, представленных Генеральной прокуратурой РФ, Португальской Республике, он осужден Шумерлинским районным судом Чувашской Республики за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 314.1 УК РФ, за совершение которого он не выдавался.

Президиум пришел к выводу, что кассационное представление подлежит удовлетворению. Как видно из содержания запроса Генеральной прокуратуры РФ, последняя португальской стороне предоставила гарантии того, что в соответствии со ст. 14 Европейской конвенции о выдаче от 13 декабря 1957 года Г. будет привлечен к уголовной ответственности и подвергнут наказанию только за преступление, в связи с которым запрашивается его выдача, т.е. по ч. 3 ст. 162 УК РФ.

На основании вышеуказанного запроса от 17 августа 2018 года Г. выдан Российской Федерации для привлечения его к уголовной ответственности только по ч. 3 ст. 162 УК РФ. 02 октября 2018 года Г. этапирован на территорию Российской Федерации.

07 февраля 2019 года Г. по приговору Кстовского городского суда Нижегородской области осужден по ч. 3 ст. 162 УК РФ к лишению свободы на срок 8 лет 8 месяцев.

Вместе с тем, после экстрадиции Г. на территорию Российской Федерации, 26 декабря 2018 года он осужден Шумерлинским районным судом Чувашской Республики за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 314.1 УК РФ, т.е. за деяние, за совершение которого его выдача не запрашивалась и за которое он не выдавался португальскими властями.

В соответствии с ч. 1 ст. 461 УПК РФ лицо, выданное иностранным государством, не может быть задержано, привлечено в качестве обвиняемого, осуждено без согласия государства, его выдавшего, за преступление, не

указанное в запросе о выдаче. Аналогичное положение содержится и в ст. 14 Европейской конвенции о выдаче, согласно которой лицо, которое было выдано по запросу, не подвергается уголовному преследованию, не может быть осуждено или задержано в целях исполнения приговора или постановления об аресте за любое преступление, совершенное до его передачи, кроме преступления, в связи с которым оно было выдано.

Как следует из приговора, Г. признан виновным в уклонении от административного надзора в период с 01 августа 2016 года по 02 октября 2018 года, т.е. в преступлении, совершенном им до дня его выдачи португальской стороной Российской Федерации.

При изложенных обстоятельствах постановленный по делу приговор нельзя признать законным и обоснованным, и он подлежит отмене, а уголовное дело - возвращению прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом [68].

Условиями для выдачи РФ иностранному государству лиц, находящихся на ее территории, для уголовного преследования являются: лицо должно являться иностранным гражданином или лицом без гражданства; инкриминируемое преступление должно признаваться уголовно наказуемым как по УК РФ, так и по уголовному закону запрашивающего государства.

В целом, в процедуре экстрадиции преобладающая роль принадлежит органам прокуратуры, а суды только осуществляют надзор за решениями об исполнении экстрадиции. В Российской Федерации наметилась определенная тенденция в практике экстрадиции: под давлением постановлений Европейского суда по правам человека национальные суды все чаще отказывают в экстрадиции по такому признаку, как угроза нарушения прав человека.

Глава 3 Передача лица для отбывания наказания

3.1 Основания передачи и отказа в передаче лица для отбывания наказания

Одним из направлений международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства является взаимодействие с пенитенциарными системами иностранных государств. Исследуемый институт предусматривает два случая:

- передачу Российской Федерацией иностранному государству его гражданина;
- передачу иностранным государством России ее гражданина.

Международными источниками являются: Конвенция о передаче лиц, осужденных к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого они являются, 1978 г. [45; 52] (далее по тексту - Конвенция 1978 г.), Европейская конвенция о передаче осужденных лиц 1983 г. [50], Конвенция СНГ о передаче осужденных к лишению свободы для дальнейшего отбывания наказания 1998 г. [49], а также двусторонние договоры.

Процессуальный порядок передачи лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является, регламентирован УПК РФ (глава 55) на основе норм Европейской конвенции о передаче и иных международных актов. По своей сути этот порядок является адаптированной версией международных соглашений, нормы которых имплементированы в отечественное уголовно-процессуальное законодательство. Данный порядок предполагает соблюдения ряда требований и процедур:

Во-первых, передача осужденного осуществляется на основании судебного решения по итогам рассмотрения в альтернативном порядке: представления федерального органа исполнительной власти,

уполномоченного в области исполнения наказаний; обращения осужденного или его представителя; обращение компетентных органов иностранного государства в соответствии с международным договором, заключенным РФ, либо письменным соглашением уполномоченных органов РФ с компетентными органами иностранного государства (ст. 469 УПК РФ).

Во-вторых, применяется принцип взаимности, который означает, что гражданин Российской Федерации, осужденный судом иностранного государства, может быть передан для отбывания наказания в Российской Федерации (ст. 469 УПК РФ).

В-третьих, передача осужденного осуществляется исключительно после вступления приговора в законную силу (в этом, собственно, и состоит отличие данной процедуры от процедуры выдачи для осуществления уголовного преследования).

В-четвертых, у осужденного есть право заявить о своем желании быть переданным для отбывания наказания. Это заявление может быть направлено в адрес государства вынесения приговора или в адрес государства исполнения приговора. Важное условие – осужденный должен являться гражданином государства исполнения приговора.

В-пятых, вопросы о передаче осужденного рассматриваются судами, которые решают вопросы, связанные с исполнением приговора (ст. 396 УПК РФ), в порядке, установленном для вопросов, подлежащих рассмотрению судом при исполнении приговора (ст. ст. 397, 399 УПК РФ), с учетом требований ст. ст. 471 УПК РФ (об основаниях отказа в передаче осужденного) и ст. 472 УПК РФ (о порядке разрешения судом вопросов, связанных с исполнением приговора суда иностранного государства).

В-шестых, суд, который принимает решение о передаче осужденного, должен быть обеспечен необходимой информацией. Суд также может без рассмотрения направить обращение осужденного в компетентный орган Российской Федерации для сбора необходимой информации (ч. 2 ст. 470 УПК РФ).

Задача суда в данном виде производства – установить основания для передачи лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является, а также отсутствие оснований для отказа в такой передаче.

Существуют основания для отказа в такой передаче, которые предусмотрены уголовно-процессуальным законом РФ и международными правовыми актами. Основания отказа, предусмотренные УПК РФ (ст. 471):

- деяние, за которое лицо осуждено, не признается преступлением по законодательству иностранного государства;
- в иностранном государстве невозможно исполнить наказание;
- нет гарантий исполнения приговора в части гражданского иска;
- нет согласия о передаче осужденного на условиях, предусмотренных международным договором Российской Федерации;
- у осужденного есть постоянное место жительства в России.

К примеру, отказывая в удовлетворении представления заместителя директора ФСИН России о передаче осужденного Р. для отбывания наказания в Украину, суд сослался на положения п.п. «в» п. 2 ст. 471 УПК РФ, согласно которым в передаче лица может быть отказано, если наказание не может быть исполнено в иностранном государстве вследствие несопоставимости с условиями и порядком отбывания осужденным наказания, определенных судом или иным компетентным органом иностранного государства.

При этом суд проанализировал условия отбывания наказания в виде лишения свободы, установленные Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации для исправительной колонии особого режима и предусмотренные Уголовно-исполнительным кодексом Украины для учреждений среднего уровня безопасности.

Вместе с тем, согласно определению Вольнянского районного суда, при приведении в соответствие с законодательством Украины приговоров,

постановленных судами Российской Федерации в отношении Р., суд государства исполнения приговора не указал режим учреждения, в котором осужденному следует отбывать наказание.

О том, что Р. предварительно определено для отбывания наказания учреждение среднего уровня безопасности, указано в письме Министерства юстиции Украины. Однако в этом письме отсутствует информация о том, какой государственный орган (или должностное лицо) Украины и в каком решении определил режим учреждения, в котором Р. надлежит отбывать наказание в виде лишения свободы.

Данное обстоятельство нуждалось в проверке, как имеющее существенное значение для правильного разрешения вопроса о передаче осужденного Р. для отбывания наказания в Украину.

Судом апелляционной инстанции допущенные судом первой инстанции нарушения оставлены без внимания.

При таких данных, постановления суда первой и апелляционной инстанций подлежат отмене, материал судебного производства направлению на новое судебное рассмотрение в тот же суд иным составом [41].

В соответствии п. 34 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2012 № 11 (далее – Постановление Пленума № 11) при принятии решения об отказе в передаче лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является, судам необходимо учитывать, что условия передачи лица для отбывания наказания в иностранном государстве, а также основания для отказа в такой передаче определяются положениями, содержащимися как в международных договорах РФ, так и в УПК РФ [67]. Основания, по которым может быть отказано в передаче осужденного, и которые содержатся в международных договорах РФ были подробно изучены во второй главе исследования.

Таким образом, исполнение приговора выступает суверенным правом государства, которое вынесло его в отношении преступника, именно этому

государству надлежит решить вопрос о характере исполнения этого приговора.

Следует заметить, что законодательство РФ пока не предусматривает специфику передачи осужденных к лишению свободы условно, на определенный срок и пожизненно. Вне поля зрения российского законодателя также остаются вопросы передачи несовершеннолетних и лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы.

Исходя из данных обстоятельств, учет действующим уголовно-процессуальным законодательством одного лишь наказания в виде лишения свободы для дальнейшего развития рассматриваемого направления международного сотрудничества не отвечает современным реалиям.

3.2 Порядок рассмотрения судом вопросов, связанных с передачей лица для отбывания наказания

Вопросы, связанные с передачей лица для отбывания наказания, происходит в судебном заседании по общим правилам, установленным для разрешения вопросов, возникающих при исполнении приговора (ст. 399 УПК РФ), при участии прокурора. Статья 472 УПК РФ не предполагает личного участия осужденного лица в рассмотрении материалов, связанных с признанием приговора иностранного государства.

Порядок рассмотрения судом вопросов, связанных с передачей лица для отбывания наказания включает два этапа:

- признание приговора иностранного суда;
- корректировка данного приговора [42,с.56].

Признание приговора влечет необходимость в его легитимации, адаптации к российскому законодательству и последующей корректировке посредством установления следующих обстоятельств:

- наличие признаков состава преступления;
- квалификация преступного деяния по статье УК РФ;

- вид и срок наказания;
- при всем этом положение осужденного не должно ухудшаться.

Отсутствие деятельности по адаптации и корректировке является существенным нарушением уголовно-процессуального законодательства. Например, было отменено Постановление областного суда о признании и принятии к исполнению приговора областного суда Венгерской Республики в отношении А., поскольку суд, приняв решение об исполнении наказания, не указал закон, по которому осужденный должен отбывать наказание на территории России [64].

По результатам судебного заседания суд принимает одно из следующих решений:

- Об отказе в признании приговора суда иностранного государства;
- О признании и исполнении приговора суда иностранного государства;
- О запросе недостающих сведений из компетентных органов;
- О направлении дела в компетентный орган России для сбора необходимых сведений, а также для предварительного согласования вопроса о передаче осужденного.

Если есть согласие компетентного органа иностранного государства на передачу осужденного, то решение иностранного суда или иного органа о признании и исполнении приговора, постановленного судом РФ, не обязательно. Такая ситуация не является основанием для отказа в передаче, ведь международным договором РФ может быть предусмотрено принятие такого решения после фактической передачи осужденного лица.

Когда суд проверяет, нет ли оснований для отказа в передаче лица, он в соответствии с Постановлением Пленума № 11 должен принимать во внимание как общую ситуацию, касающуюся соблюдения прав и свобод человека в запрашивающем государстве, так и конкретные обстоятельства дела. Эти данные в совокупности могут свидетельствовать о наличии или об

отсутствии серьезных оснований полагать, что лицо может быть подвергнуто жестокому и бесчеловечному обращению или наказанию.

Предметом доказывания при разрешении судом вопроса о передаче осужденного будут:

- во-первых, сопоставимость условий и порядка отбывания осужденным наказания в виде лишения свободы. Ведь одно из оснований для отказа в передаче – различия в условиях и порядке отбывания наказания в государстве исполнения приговора и в Российской Федерации, которые не позволяют достигнуть цели наказания – восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения новых преступлений;
- во-вторых, сопоставимость размера наказания в виде лишения свободы в законодательстве иностранного государства (предельный срок лишения свободы, предусмотренный законодательством государства исполнения приговора, не должен быть явно несопоставим со сроком наказания, назначенным по приговору российского суда).

Например, суд отказал в удовлетворении представления ФСИН РФ о передаче М. в Эстонию для отбывания наказания ввиду существенного различия Пенитенциарного кодекса Эстонии с УК РФ ввиду чрезмерной мягкости наказания, назначаемого за пиратство в Эстонии [13].

В другом примере, основанием для отказа в удовлетворении представления суд указал отсутствие гарантий исполнения приговора в части дополнительного наказания в виде штрафа, невыплаченная часть которого составила 450000 рублей.

При этом суд сослался в постановлении на положения п. «б» ч. 2 ст. 471 УПК РФ, указав, что в передаче лица, осужденного судом Российской Федерации к лишению свободы, для отбывания наказания в государство, гражданином которого это лицо является, может быть отказано в случаях непризнания судом или иным компетентным органом иностранного государства приговора суда Российской Федерации либо признания судом

или иным органом иностранного государства приговора суда Российской Федерации без установления порядка и условий отбывания осужденным наказания на территории иностранного государства.

Суд указал, что в соответствии с определением суда Республики Молдова, в случае перевода К. для дальнейшего отбывания наказания в Республику Молдова, она будет считаться осужденной по приговору Кузьминского районного суда г. Москвы Российской Федерации от 24 мая 2017 года по ст. ст. 27, 217.1 ч. 4 п. «д» Уголовного кодекса Республики Молдова с применением ч. 3 ст. 81 УК РМ к 10 годам лишения свободы в пенитенциарном учреждении закрытого типа.

При таких обстоятельствах судом первой инстанции сделан вывод о том, что приговор Кузьминского районного суда г. Москвы от 24 мая 2017 года в отношении К. не признан судом Республики Молдова в части назначенного дополнительного наказания в виде штрафа, вследствие чего приговор в указанной части не будет исполнен в Республике Молдова.

Вместе с тем, действующее законодательство Российской Федерации прямо не предусматривает в качестве основания для отказа в передаче осужденного лица для отбывания наказания в другое государство, отсутствие гарантий исполнения дополнительного наказания в виде штрафа.

Согласно п. 24 Постановления № 11 перечень оснований для отказа в передаче, приведенный в ст. 471 УПК РФ, носит исчерпывающий характер. При передаче лица для отбывания наказания в иностранном государстве от осужденного или указанного государства не требуется получать гарантии исполнения дополнительного наказания в виде штрафа, назначенного судом Российской Федерации, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации.

Ссылки на положения какого-либо международного договора, устанавливающего другие требования к передаче лиц для отбывания наказания в иностранное государство, суд первой инстанции в постановлении не привел.

Суд апелляционной инстанции оставил без внимания вышеуказанные нарушения уголовно-процессуального закона и не устранил их.

Указанные обстоятельства свидетельствуют о существенном нарушении уголовно-процессуального закона, повлиявшем на исход дела, в связи с чем, судебные решения подлежат отмене, а материал направлению на новое судебное рассмотрение в суд первой инстанции в ином составе [63].

Распределение обязанности по доказыванию выглядит следующим образом. Суд должен доказать обстоятельства, которые перечислены выше. Органы прокуратуры РФ должны доказать отсутствие серьезных оснований полагать, что к лицу могут быть применены наказания в виде смертной казни, пытки, бесчеловечное или унижающее человеческое достоинство обращение или наказание, а также что лицо может подвергнуться преследованию по признаку расы, вероисповедания, гражданства, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или по политическим убеждениям.

Решение о выдаче суд принимает по общим правилам: по внутреннему убеждению, на основе имеющейся в деле совокупности доказательств.

Таким образом, деятельность суда по передаче лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является, носит установительный характер. Однако при передаче осужденного для исполнения приговора иностранному государству не прекращает функцию российского суда, так как лицо, отбывающее наказание в виде лишения свободы в иностранном государстве, вправе обратиться в суд, постановивший приговор, за разрешением вопросов, связанных с его корректировкой.

3.3 Вопросы передачи лиц, страдающих психическими расстройствами, для проведения принудительного лечения

Большое количество научных исследований по международному праву посвящено вопросам международного сотрудничества в области уголовного правосудия, правовой помощи по уголовным делам, в том числе вопросам о понятии и взаимосвязи этих категорий, направлениях и формах сотрудничества и правовой помощи, их нормативном регулировании (международном и внутригосударственном), а также другим составляющим правовой характеристики. Особое внимание уделяется формам правовой помощи по уголовным делам, важнейшими из которых являются выдача обвиняемых для уголовного преследования, передача осужденных для отбывания уголовных наказаний и др.

Однако долгое время практически отсутствовали отечественные научные публикации, касающиеся такой формы юридической помощи, как перевод лиц, страдающих психическими расстройствами, на принудительное лечение по месту их гражданства (для иностранных граждан) или по месту их постоянного проживания (для лиц без гражданства). Речь идет о лицах, совершивших преступление в состоянии невменяемости и в отношении которых имеется вступившее в законную силу решение суда о применении к ним принудительных мер медицинского характера.

Международно-правовая база, регулирующая этот вопрос, также не отличается своим многообразием: в рамках СНГ существует один международный договор - Конвенция о передаче лиц, страдающих психическими расстройствами, для проведения принудительного лечения от 28 марта 1997 г. (далее - Конвенция 1997 г.) [44]. Участниками этой Конвенции являются десять государств - членов Содружества, включая Россию. Имеется и несколько двусторонних договоров с участием отдельных государств СНГ (например, Республики Беларусь).

По мнению М.А. Фроловой, о передаче лиц, страдающих психическими расстройствами, для проведения принудительного лечения можно говорить как о новом и самостоятельном виде (направлении) международного сотрудничества в области уголовного судопроизводства, данный вид сотрудничества составляет сферу действия уголовного процесса [89]. Данная позиция имеет ряд оснований.

Во-первых, перевод таких лиц на принудительное лечение вытекает из уголовного дела, поскольку лицо совершило общественно опасное деяние, а впоследствии вынесено решение суда о применении мер медицинского характера. М.А. Фролова считает целесообразным дополнить УПК РФ отдельной главой о передаче таких лиц. Министерство юстиции РФ уже подготавливало законопроект о дополнении УПК РФ главой 55.1 «Передача лица для исполнения решения суда о применении принудительных мер медицинского характера», которая должна была содержать основания для направления запроса о такой передаче, порядок и сроки рассмотрения уполномоченными органами запросов, основания отказа, порядок обжалования, порядок разрешения судом вопросов, связанных с изменением или прекращением принудительных мер [82, с. 51]. Следует согласиться с высказанной точкой зрения.

Во-вторых, рассматриваемая конвенция устанавливает в ст. 10 правило, согласно которому отмена судебного решения о передаче лица на принудительное лечение и направление дела на новое расследование, после того, как такое лицо было передано, предполагает последующую передачу материалов уголовного дела с копией судебного решения договаривающейся стороне (принявшей лицо). Данные документы и вся необходимая информация нужны принявшей стороне для решения вопроса о привлечении лица к уголовной ответственности по своему законодательству.

В-третьих, в национальном законодательстве некоторых государств СНГ - участников Конвенции 1997 г. правовое регулирование процесса передачи таких лиц отнесено к сфере уголовного процесса.

В-четвертых, Генеральная прокуратура РФ является уполномоченным органом, реализующий международное сотрудничество по вопросам оказания правовой помощи по уголовным делам (ст. 453 УПК РФ).

Несмотря на вышеизложенное, сфера правового регулирования передачи лиц для осуществления принудительного лечения имеет определенные сложности – однозначно утверждать о том, что такое направление сотрудничества составляет сферу действия уголовного процесса не верно. Суть в том, что главы 53-55 УПК РФ посвящены вопросам правовой помощи – т.е. более узкой сфере. Правильнее было бы утверждать, что правовая помощь это одна из форм сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, а, следовательно, передача лиц, страдающих психическими расстройствами, для осуществления принудительного лечения это одна из форм правовой помощи, но не по уголовным делам. Принудительные меры медицинского характера применяются по решению суда по основаниям и в порядке, которые установлены уголовным и уголовно-процессуальным законодательством. Сами же меры реализуются медицинскими учреждениями государственной системы здравоохранения, которые оказывают психиатрическую помощь.

Тем самым, статус лиц, страдающих психическими расстройствами, в отношении которых принято решение о проведении принудительного лечения, в уголовном процессе неоднозначен. Нет четкого понимания, какие конкретно правовые нормы должны быть применены сторонами соглашения при осуществлении передачи лица из одного государства в другое.

Уполномоченными органами по Конвенции в Российской Федерации выступает исключительно Генеральная прокуратура РФ, тогда как в с/Украине и Молдове - совместно Министерство здравоохранения, Минюст и МВД. Думается, что в РФ уполномоченный орган по Конвенции должны быть представлен и Минздравом РФ. Такой вывод основан на положениях Федерального закона от 23 июля 2013 г. № 191-ФЗ [80] (далее - Закон 2013 г.), которым определен порядок передачи и принятия Россией от

иностранного государства - лица, которое страдает психическим заболеванием, в отношении которого имеется вступившее в законную силу решение суда о применении принудительных мер медицинского характера.

Хотя Генеральной прокуратуре РФ отведена роль компетентного органа РФ по Конвенции 1997 г., в Законе 2013 г. определена обязанность этого органа по информированию федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по разработке и осуществлению государственной политики и по правовому регулированию в сфере здравоохранения, о необходимости передачи или принятия лица, страдающего психическим расстройством, и его доставления от места проведения принудительного лечения в психиатрическом стационаре на территории Российской Федерации и к месту передачи иностранному государству - участнику Конвенции или от места принятия от иностранного государства - участника Конвенции к месту проведения принудительного лечения в психиатрическом стационаре на территории Российской Федерации (п. 6 ст. 3).

В ст. 5 Закона дан перечень самостоятельных полномочий федерального органа исполнительной власти в области охраны здоровья граждан, что лишь подчеркивает необходимость его включения в число уполномоченных органов по Конвенции 1997 г. наравне с Генеральной прокуратурой РФ.

То, что данный вид передачи не относится к сфере уголовного процесса, можно установить на основании отсутствия в Конвенции 1997 г. и в Законе 2013 г. ряда элементов и используемой терминологии:

- Конвенция 1997 г. и Закон 2013 г. используют понятие «обращение», международное и национальное уголовно-процессуальное право применяет понятия «запрос», «просьба», «представление»;
- Конвенция 1997 г. не определяет содержание обращения. Закон 2013 г. частично восполнил этот пробел, установив положения о

наименовании и адресе компетентного органа и цели обращения. Этого, однако, недостаточно для уголовно-процессуального документа. В договорах о правовой помощи по уголовным делам содержание запроса, как правило, подробно регламентируется в отдельной статье;

- Конвенция 1997 г. не содержит такой элемент, как основания отказа в передаче лица, Закон 2013 года эти элементы включает;
- Конвенция 1997 г. и Закон 2013 г. не содержит положений о языке обращения (есть только указания на заверенный перевод).

В содержании Закона 2013 г. присутствуют процессуальные нормы, которых достаточно для реализации передачи лиц, страдающих психическими расстройствами, поэтому регулировать этот вопрос в рамках УПК РФ нет необходимости, требуется лишь дополнить данный законодательный акт некоторыми уточняющими и дополняющими процесс передачи положениями.

В заключение раздела исследования стоит отметить, что международным актам принадлежит важная роль в процессе формирования и развития института передачи осужденных иностранных граждан для отбывания наказания в стране своего гражданства. Рассматриваемый вид международного сотрудничества, как в России, так и в зарубежных странах приобрел ярко выраженный характер дипломатического инструмента выстраивания отношений между государствами.

В настоящее время требуется разрешить вопросы правового регулирования передачи несовершеннолетних и лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы. Нерешенным является вопрос о передаче осужденных, к которым были применены иные меры уголовно-правового характера. Кроме того следует детализировать и уточнить ряд вопросов, касающихся передачи лиц, страдающих психическими расстройствами, для проведения принудительного лечения в содержании Федерального закона от 23.07.2013 № 191-ФЗ.

Заключение

Считаем необходимым акцентировать внимание на следующих основных выводах.

В исследовании автором был изучен процесс становления и развития института экстрадиции.

В XX столетии государства продолжили активное сотрудничество в сфере борьбы с преступностью. Институт экстрадиции при этом играет роль эффективного средства такого сотрудничества. В течение данного исторического периода принимаются международные договоры, которые касались выдачи правонарушителей. Во второй половине прошлого века произошло ощутимое усиление движения в поддержку закрепления прав человека на международном уровне. Все прогрессивное человечество пришло к выводу, что необходимо разработать такую систему международно-правовых гарантий, которая в полной мере обеспечивала бы защиту прав и свобод человека и гражданина. Следует отметить, что в середине прошлого столетия определяющим стало углубление защиты прав человека в экстрадиционном процессе.

Важно подчеркнуть, что в начале XXI столетия институт выдачи продолжает свое развитие. Государства принимают законы о выдаче, заключают международные соглашения, увеличивается судебная практика.

В целом, в результате анализа исторического развития практики выдачи можно сделать вывод, что институт экстрадиции исторически выявил свою значимость в связи с развитием, прежде всего, международных отношений, политических, экономических, социальных, культурных и правовых связей. Изучение источников и документов, посвященных рассматриваемому институту, показывает, что он претерпел концептуальные изменения. Общей тенденцией развития института экстрадиции является его гуманизация. В дальнейшем важно поддержание баланса между целями борьбы с преступностью и интересами выдаваемого лица.

Современный институт экстрадиции имеет принципиальные отличия от существовавшего в древности. Во-первых, в древности данный институт не являлся предметом регулирования какого либо международного правового акта, он рассматривался с позиции силы, при отказе в выдаче лица, запрашивающее государство могло применить военную силу. Во-вторых, даже при наличии соглашений, они зачастую имели характер обязывающих только для одной из сторон. В-третьих, государства преследовали не только лиц, совершивших преступление и скрывавшихся от правосудия на чужих территориях, но и беглых рабов. В-четвертых, конкретного механизма осуществления выдачи не существовало.

Передачу в рамках международного сотрудничества отличает значение этой процедуры - для дальнейшего отбывания наказания передаваемого лица на территории государства его гражданства. Здесь можно подчеркнуть следующие признаки:

- добровольный характер. Лицо, которое осуждено к лишению свободы, может быть передано государству его гражданства только с его письменного согласия;
- передача осуществляется только тому государству, с которым у передаваемого лица есть правовая связь (гражданство);
- приговор в отношении передаваемого лица вынесен судом не запрашивающего, а запрашиваемого государства;
- лицо передается с целью отбывания оставшегося срока наказания в государстве его гражданства.

В случае передачи лица, совершившего серьезные преступления, которые вызывают обеспокоенность всего международного сообщества, международным уголовным трибуналам, в большей степени следует говорить о сходстве с выдачей (экстрадицией). Однако данный вид международного сотрудничества обладает некоторыми признаками, которые позволяют установить его отличие от других видов такого сотрудничества:

- отношения выстраиваются не на уровне межгосударственного сотрудничества, а на уровне взаимодействия государства и международного судебного учреждения;
- речь в данном случае идет исключительно об уголовном преследовании обвиняемых и только по той группе преступных деяний, которые вызывают обеспокоенность всего международного сообщества.

Тем самым, неточность в использовании терминов может привести к смешению различных видов международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, обладающих своими отличающими признаками. По этой причине, как представляется, определяя понятие «выдача» для разграничения вышеуказанных видов международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, целесообразно использовать такие слова, как «доставка» или «предоставление».

Автором было сформулировано определение понятия «экстрадиция»: официальная правовая процедура, при помощи которой запрашивающее государство просит другое запрашиваемое государство переместить то или иное лицо под ее юрисдикцию для уголовного преследования или исполнения приговора по уголовному делу.

Международно-правовое регулирование института экстрадиции было рассмотрено на нескольких уровнях:

- экстрадиция в рамках сотрудничества в сфере уголовного правосудия в системе ООН;
- экстрадиция в рамках Совета Европы;
- сотрудничество по уголовным вопросам в рамках СНГ: Шанхайская организация сотрудничества.

Процедура экстрадиции направлена на повышение международного сотрудничества по вопросам уголовного правосудия. При этом, наличие договора об экстрадиции не является обязательным условием

международного перемещения лица. Государства могут отдельно договариваться об экстрадиции лица в каждом конкретном случае.

В Российской Федерации преобладающая роль в осуществлении экстрадиции принадлежит органам прокуратуры. При этом, в последнее время наметилась тенденция в практике экстрадиции: под давлением постановлений Европейского суда по правам человека национальные суды все чаще отказывают в экстрадиции по такому признаку, как угроза нарушения прав человека.

Международным актам принадлежит важная роль в процессе передачи осужденных иностранных граждан для отбывания наказания в стране своего гражданства. Стоит отметить, что рассматриваемый вид международного сотрудничества, как в России, так и в зарубежных странах приобрел ярко выраженный характер дипломатического инструмента выстраивания отношений между государствами.

Государства-участники СНГ используют региональную систему розыска – Межгосударственный информационный банк разыскиваемых лиц (МИБ), при помощи которого осуществляется розыск на территории стран СНГ. Информационный банк был создан на основании Договора государств-участников СНГ о межгосударственном розыске лиц. Это система обнаружения, задержания и заключения под стражу лиц в целях экстрадиции, осуществления уголовного преследования или отбывания наказания, которая обеспечивает сотрудничество, в том числе обмен информацией и осуществление скоординированных оперативно-розыскных мероприятий.

Централизованный информационный массив межгосударственного розыска лиц формируется и ведется Министерством внутренних дел Российской Федерации. В рамках межгосударственного розыска лиц в странах СНГ правоохранительные органы направляют запрос в письменной форме. Кроме того, запросы могут передаваться устно с последующим письменным подтверждением в срок не позднее трех суток. Разыскиваемое лицо может быть задержано и заключено под стражу в ожидании

рассмотрения дела или в ожидании дальнейших указаний властей запрашивающего государства, даже при отсутствии судебного решения о досудебном содержании под стражей.

Данная процедура применяется и в тех случаях, когда лицо разыскивается не по уголовному делу. Аналогичным образом, запрос может быть направлен в отношении лиц, которые не могут сообщить о себе установочные данные.

В настоящее время требуется разрешить вопросы правового регулирования передачи несовершеннолетних и лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы. Нерешенным является вопрос о передаче осужденных, к которым были применены иные меры уголовно-правового характера. Кроме того следует детализировать и уточнить ряд вопросов, касающихся передачи лиц, страдающих психическими расстройствами, для проведения принудительного лечения в содержании Федерального закона от 23.07.2013 № 191-ФЗ.

Анализ систем СНГ и ЕС позволяет выявить тенденцию выстраивать свои системы перемещения подозреваемых на началах взаимного доверия и унификации систем уголовного правосудия. Однако такое сотрудничество на основе взаимного доверия – без надлежащей унификации правовых систем с акцентом на соблюдение прав человека – может привести к повышенной угрозе нарушения прав человека в отношении перемещаемых лиц.

В связи с чем, целесообразно реформировать данные системы сотрудничества по уголовным вопросам, с тем, чтобы обеспечить соблюдение их международно-правовых обязательств по защите прав человека.

Таким образом, в настоящее время в целях противодействия транснациональной преступности необходимо расширять сотрудничество по уголовным вопросам для привлечения виновных к ответственности.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Extradition Treaty between the United States of America and Romania, signed on September 10, 2007, at Bucharest (Article 3). Электронный ресурс. Режим доступа. <https://www.congress.gov/> (дата обращения: 05.03.2021).
2. Extradition Treaty between the United States of America and the Government of the Republic of Latvia, signed on December 7, 2005, at Riga (Article 3). Электронный ресурс. Режим доступа. <https://www.congress.gov/> (дата обращения: 05.03.2021).
3. Extradition Treaty between the United States of America and the Government of the Republic of Estonia, signed on February 8, 2006, at Tallinn (Article 3). Электронный ресурс. Режим доступа. <https://www.congress.gov/> (дата обращения: 05.03.2021).
4. I.B., Court of Justice, Judgment of 21 October 2010, Case C-306/09. Para. 50.
5. Klimek L. Surrender vs. Extradition: A Comparison Focused on Innovations of European Arrest Warrant // International and Comparative Law Review. 2011. Vol. 11. No. 1. P. 147 - 150.
6. Lauterpaht H. International law / H. Lauterpaht. – New York, London, 1970. – P. 505.
7. Minister for Justice and Equality v OG and PI, Court of Justice, Judgment of 27 May 2019, Joined Cases C-508/18 and C-82/19 PPU. Para. 45.
8. Model Law on Extradition 2004. Электронный ресурс. Режим доступа. https://www.unodc.org/pdf/model_law_extradition.pdf (дата обращения 10.03.2021)
9. Openbaar Ministerie v Krzysztof Marek Poltorak, Court of Justice, Judgment of 10 November 2016, Case C 452/16 PPU.

10. Pal Aranyosi and Robert Caldaru v Generalstaatsanwaltschaft Bremen, Court of Justice, Judgment of 5 April 2016, Joined Cases C-404/15 and C-659/15 PPU. Para. 78.
11. Polish Constitutional Court, Judgment of 27 April 2005 (P 1/05). Clause 3.5 (b).
12. Weis K. The European Arrest Warrant for Advanced Users // European Constitutional Law Review. 2012. No. 8. P. 531.
13. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 25.02.2014 г. № 78-АПУ14-6 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
14. Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 19.11.2019 г. № 55к-34/2019 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
15. Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 11.03.2020 г. № 55к-251/2020 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
16. Апелляционное определение СК по уголовным делам ВС РФ от 01.07.2014 № 1-АПУ14-14. Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».
17. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 31.10.2019 г. № 50-АПУ19-9 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
18. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 23.05.2019 г. № 69-АПУ19-7 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
19. Апелляционное постановление Московского городского суда от 17.02.2021 г. № 10-3056/2021 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
20. Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2002. С. 107, 689

21. Буткевич О.В. У истоков международного права. СПб. : Юридический центр «Пресс», 2008. С. 341.
22. Валеев Р.М. Выдача преступников в современном международном праве (некоторые вопросы теории и практики) / Р.М. Валеев. – Казань : Изд-во Казан. гос. ун-та, 1976. – С. 11.
23. Волженкина В.М. Выдача в российском уголовном процессе / В.М. Волженкина. – М. : Юрлитинформ, 2002. – С. 11.
24. Волженкина В.М. Нормы международного права в российском уголовном процессе: монография / В.М. Волженкина. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2001. – 359 с.
25. Галенская Л.Н. Международная борьба с преступностью / Л.Н. Галенская. – М. : Междунар. отношения, 1972. – С. 117.
26. Глобальная контртеррористическая стратегия ООН 2006 года. Электронный ресурс. Режим доступа. <https://www.un.org/counterterrorism/ru/un-global-counter-terrorism-strategy> (дата обращения: 07.03.2021).
27. Гончаренко А.И. К вопросу о первоисточнике института экстрадиции в России // Общество и право. 2014. № 4 (50). С. 94.
28. Гришин А.С. Организационно-правовой механизм выдачи лиц для уголовного преследования в российском уголовном процессе: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11, 12.00.09. - Н. Новгород, 2010. - 250 с.
29. Декларация, дополняющая Декларацию 1994 г. о мерах по ликвидации международного терроризма: Резолюция ГА № 51/210, статьи 6-7. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
30. Дело Ramirez против Франции, в котором Европейская комиссия по правам человека не согласилась с тем, что «замаскированная экстрадиция» сама по себе составляет нарушение ЕКПЧ, но только в тех случаях, когда определенные аспекты её исполнения являются ненадлежащими; IlichSanchezRamirez против Франции, Европейская комиссия по правам человека, Жалоба № 28780/95, Решение от 24 июля 1996

г. Электронный ресурс. Режим доступа. <http://base.garant.ru/5791864/> (дата обращения 10.03.2021)

31. Договор государств - участников Содружества Независимых Государств о межгосударственном розыске лиц (подписан в г. Москве 10.12.2010). Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».

32. Европейская конвенция о пресечении терроризма. Страсбург, 27 января 1977 г. Электронный ресурс. Режим доступа. <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/mezhdunarodnye-pravovye-akty/evropeyskaya-konvenciya-o.html> (дата обращения 15.03.2021)

33. Жданов Ю.Н., Костин А. Н. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью. М., 1997. С. 8.

34. Звирбуль В.К., Шупилов В.П. Выдача уголовных преступников. М., 1974. С. 11.

35. Зелинская Н.А. Международные преступления и международная преступность: монография / Н.А. Зелинская – М. : Юрид. лит., 2006. – С. 101.

36. Иеветис Я.Г. Проблемы выдачи (экстрадиции) от договора Рамзеса II и Хиттушили III до наших дней // Вестник Калининградского юридического института МВД России. 2009. № 1(17). С. 107.

37. Интервью начальника Главного управления международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры РФ. Электронный ресурс. Режим доступа. <https://ria.ru/20210112/gorodov-1591594840.html> (дата обращения 10.03.2021).

38. Информация о Постановлении ЕСПЧ от 02.03.2010 по делу «Аль-Саадун и Муфзи (Al-Saadoon and Mufdhi) против Соединенного Королевства» (жалоба № 61498/08) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2010. № 9.

39. Исполинов А.С. Эволюция и пути развития современного международного правосудия // Lexrussica. 2017. № 10. С. 58 - 87.

40. Казаринов И.А. Развитие советского законодательства и научных представлений о действии уголовного закона за пределами территории государства // Российская юстиция. 2019. № 7. С. 37 - 40.

41. Кассационное определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 10.02.2020 г. № 77-40/2020 [Электронный ресурс] // СПС КогнсультиантПлюс.

42. Качалов В.И. Особенности уголовно-процессуальной деятельности при разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора суда иностранного государства // Вестник Омской Юридической академии. 2017. № 2. С. 56.

43. Конвенция 1963 г. о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов. Подписана в Токио 14 сентября 1963 года. Электронный ресурс. Режим доступа. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/crimes_ aboard.shtml (дата обращения 11.03.2021).

44. Конвенция о передаче лиц, страдающих психическими расстройствами, для проведения принудительного лечения от 28 марта 1997 г. Доступ из справ.-прав. системы «Консультант Плюс».

45. Конвенция о передаче осужденных лиц (заключена в Страсбурге 21.03.1983 (в ред. от 18.12.1997)) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 45. Ст. 5150.

46. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Заключена в г. Минске 22.01.1993) (ред. от 28.03.1997) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 17. Ст. 1472.

47. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Кишинев, 7 октября 2002 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

48. Конвенция о физической защите ядерного материала и ядерных установок, принята 26 октября 1979 г. Электронный ресурс. Режим доступа.

http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/nucmat_protection.shtml
(дата обращения: 07.03.2021).

49. Конвенция СНГ о передаче осужденных к лишению свободы для дальнейшего отбывания наказания от 6 марта 1998 г. Москва. Электронный ресурс. Режим доступа. <http://base.garant.ru/1154626/> (дата обращения 17.03.2021).

50. Конвенция Совета Европы о передаче осужденных лиц 1983 г. (заключена в г. Страсбурге 21.03.1983) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 45. Ст. 5150.

51. Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма: заключена 16.06.2009 в г. Екатеринбурге // Собрание законодательства РФ. 2012. № 11. Ст. 1274.

52. Конвенция о передаче лиц, осужденных к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданами которого они являются от 19 мая 1978 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXV. - М., 1981. С. 181-185.

53. Костенко Н.И. Международное уголовное право: современные теоретические проблемы / Н.И. Костенко. – М. : Юрлитинформ, 2004. – С. 244.

54. Лукашук И. И. Выдача обвиняемых и осужденных в международном уголовном праве : учеб.- метод. пособие / И.И. Лукашук, А.В. Наумов. – М. : РЮИД, 1998. С. 30.

55. Мазева Н. Н. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства Российской Федерации в стадии предварительного расследования: дис. ... кандидата юрид. наук: 12.00.09 / Н. Н. Мазева; Росс. таможенная акад. – Москва, 2004. 224 с.

56. Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов (по изданию 1904 г.) / Общ. ред. Л.Н. Шестакова. М., 1996. Т. 1. С. 232.

57. Международная конвенция 1997 г. о борьбе с бомбовым терроризмом. Принята резолюцией 52/164 Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1997 года. Электронный ресурс. Режим доступа. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bombing.shtml (дата обращения 11.03.2021).

58. Международная конвенция 1999 г. о борьбе с финансированием терроризма. Принята резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1999 года. Электронный ресурс. Режим доступа. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/terfin.shtml (дата обращения 11.03.2021).

59. Международная конвенция 2005 г. о борьбе с актами ядерного терроризма. Принята резолюцией 59/290 Генеральной Ассамблеи от 13 апреля 2005 года. Электронный ресурс. Режим доступа. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/nucl_ter.shtml (дата обращения: 07.03.2021).

60. Никольский Д.П. О выдаче преступников по началам международного права / Д.П. Никольский. – СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1884. С. 47-48.

61. Об основных принципах уголовно-процессуального доказывания см.: Курс уголовного процесса / Под ред. Л.В. Головки. -М. : Статут, 2016. 1278 с.

62. Определение Конституционного Суда РФ от 19.11.2009 № 1344-О-Р «О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс

РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 48. Ст. 5867 (Определение).

63. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 30.06.2020 г. № 77-919/2020 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

64. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 28 февраля 2013 г. № 45-Д12-40. Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».

65. Подшибякин А.С. Экстрадиция как форма международного сотрудничества в борьбе с транснациональной преступностью // Современные проблемы борьбы с транснациональной преступностью: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. г. Сочи. 10-11 октября 2000 г. Краснодар, 2000. С. 40.

66. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.02.1999 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 6. Ст. 867.

67. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2012 № 11 (ред. от 03.03.2015) «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 8. август, 2012.

68. Постановление Президиума Верховного суда Чувашской Республики от 14.06.2019 г. № 44У-49/2019 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

69. Протокол 2005 г. к Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства. Электронный ресурс. Режим доступа. <http://www.un.org/russian/-terrorism/instruments.shtml> (дата обращения: 07.03.2021).

70. Протокол 2005 г. к Протоколу о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе. Электронный ресурс. Режим доступа.

https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/shelf_security.shtml (дата обращения: 07.03.2021).

71. Рамочное решение Совета ЕС № 2002/584/ИНА от 13 июля 2002 г. «О европейском ордере на арест и процедурах передачи лиц между государствами-членами» (Рамочное решение о ЕОА), статья 1(1). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

72. Родионов К.С. Была ли в договоре 911 г. Киевской Руси с Византией норма о выдаче? // Государство и право. 2006. № 3. С. 85.

73. Российское законодательство X-XX веков: В 9 т. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985. Т. 2. С. 253 - 381, 481-485.

74. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917 - 1952 / Сост. А.А. Герцензон; Под ред. И.Т. Голякова. М.: Гос. изд. юрид. лит., 1953. С. 23.

75. Смирнов М. И. Понятие и правовая природа выдачи (экстрадиции) // Современное право. 2007. № 3. С. 15.

76. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 24.02.2021) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

77. Указ Президента РФ от 13.10.2004 № 1314 (ред. от 02.03.2021) «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 42. Ст. 4109.

78. Указание Генпрокуратуры России от 16.01.2020 № 23/35 «О порядке организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам оказания правовой помощи по уголовным делам». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

79. Устав Организации Объединенных Наций (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945 г.). Электронный ресурс. Режим доступа. <https://www.un.org/ru/charter-united-nations/> (дата обращения 11.03.2021).

80. Федеральный закон от 23.07.2013 № 191-ФЗ «О передаче и принятии Российской Федерацией лиц, страдающих психическими расстройствами, в отношении которых имеется решение суда о применении принудительных мер медицинского характера» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 30 (Часть I). Ст. 4024.

81. Фисенко И. Проблемы универсальной юрисдикции и экстрадиции в международном уголовном праве. Международный уголовный суд в качестве альтернативного решения // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 1998. № 2. С. 40.

82. Фролова М.А. Правовые и гуманитарные проблемы передачи лиц, страдающих психическими расстройствами, для проведения принудительного лечения в странах СНГ: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

83. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (заключена в г. Шанхае 15.06.2001) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 41. Ст. 3947.